# Обет молчания

**Автор:**
Андрей Ильин

Обет молчания

Андрей Александрович Ильин

Обет молчания #1

У него отняли всё: имя, семью и возможность выбирать что-либо, кроме способа выживания. Его заставили отречься от прошлого, настоящего и будущего, увидеть собственные похороны, научили хладнокровно убивать и спокойно смотреть в глаза смерти. Он стал сверхчеловеком, суперпрофессионалом, способным в одиночку противостоять организованной преступности.

Андрей Ильин

Обет молчания

Запись I

Учебка

В свою первую учебку я попал из армии, не прослужив и полгода.

– Соберите вещи, документы, сдайте постель старшине и через двадцать минут стойте у КПП, – приказал дежурный по части. – И подшейте свежий воротничок. Смотреть противно!

Через двадцать минут я стоял у КПП с вещами.

– Ты что ли на комиссию? – спросил водитель подъехавшей почтовой машины. – Садись по-быстрому.

Машина тронулась, и покатилась вместе с ней моя жизнь в совершенно удивительном направлении.

– Курить не найдется? – спросил водитель.

Я отрицательно мотнул головой. Водитель вздохнул и достал из бардачка свои.

Я ехал, подпрыгивая на изношенном сиденье, смотрел на проносящуюся мимо гражданскую жизнь и тихо радовался неожиданно свалившейся на меня передышке от порядком надоевшей казарменной рутины.

– Прибыли. Пожевать чего нету?

Я снова замотал головой.

В коридоре, где располагалась комиссия, гул стоял как в бане в воскресный день. Молодые ребята-«стригунки» одинаковые, как только что выпавшие из-под пресса медные пятаки, бродили, бестолково тычась в двери кабинетов, одевались, раздевались, отвечали: «Я!», когда выкрикивали их фамилии, обменивались впечатлениями, курили украдкой в туалете. И так же, как все, я бродил, раздевался, одевался, заглядывал в двери, робея перед суровой настойчивостью отборочной комиссии.

– Сядьте. Встаньте. Наклонитесь, – требовали врачи.

– Скажите: «Свисток свистел шепотом».

– Татуировки, родинки, шрамы есть?

– Повернитесь. Еще. Поднимите руки. Опустите. Всё чисто.

– Высоты, темноты, замкнутого пространства боитесь?

– Какого пространства?

– Под диваном в детстве не боялся сидеть? А в погребе?

– У нас не было погреба.

– Ладно, иди.

– Во сне разговариваете, храпите?

– Я не знаю, я во сне сплю…

Всё происходящее напоминало мобилизационную комиссию. Но бросалась в глаза какая-то однотипность всех призывников – средний рост, средняя комплекция, даже внешность какая-то усреднённая. Все отслужили в частях не больше полугода, все без предупреждения были сняты с мест, никому ничего не объяснили.

– Куда нас отбирают? – бесконечно гадали мы. – В подводники, что ли?

– Ага. В подводные танкисты, – подмигивали шутники.

– Как это?

– А так. В танки запрут и в море бросят Плавай.

Постепенно толкотня в коридорах убывала, призывников оставалось все меньше и меньше. К вечеру на стульях у стен сидело десятка три, покрывшихся от холода пупырышками, «счастливцев».

– Стройся! – приказал старшина саженного роста и, не без иронии поглядывая на наши впалые животы и болтающиеся на подвздошных костях безразмерные армейские трусы, скомандовал: – Всем одеваться и в автобус. Быстро! Вояки. Тоже мне…

– А куда мы едем?

– В карантин.

– Так мы его уже проходили в частях.

– То был карантин, а это будет карантин! – многозначительно объяснил старшина. – Ну, да вы сами поймете. Больше вопросов нет? Тогда – айда!

Карантинные странности начались сразу же. В казарме не было дневальных и обычной в таких случаях наглядной агитации. Зато между койками стояли полутораметровые перегородки из крашеной фанеры. То есть каждый спал как бы в своей маленькой келье, а не на глазах сотни сослуживцев, как в обычной казарме. Форма была без погон и знаков различия. Никто не орал утром: «Подъем!», все поднялись сами и недоуменно слонялись по казарме. Казалось, о нас напрочь забыли.

– Нет, ну видели мы бардак в армии, но не до такой же степени! – удивлялись «старики», отслужившие в частях на один-два месяца больше остальных, – это что-то вообще!..

Наконец явился давешний старшина.

– Встали? – как-то совершенно по-домашнему спросил он. – Тогда шагом марш в баню и столовую.

И в последующие дни нас не заставляли делать ничего из того, к чему мы успели привыкнуть за месяцы службы. Мы не бегали кроссы, не стреляли, не отжимались, не ходили в наряды. Целыми днями мы общались с неразговорчивыми (если это не касалось их специфики) личностями в белых халатах, накинутых поверх армейских кителей, сутками сидели в темных, беззвучных комнатах, безропотно позволяли оклеивать себя датчиками и опутывать проводами. Мы перестали замечать присутствие глаз телекамер, закрепленных в учебных классах, казарме, столовой и даже курилке. Привыкли к ежедневным отчетам о «прожитом дне», где подробно описывали все, вплоть до снов, случайных мыслей и оброненных слов.

Мы утомились от бессмысленного однообразия и уже не хотели ни учебки, ни будущей таинственной службы. Иногда без предупреждения, без каких-либо видимых причин кого-нибудь из курсантов вызывали и больше мы его не видели.

– Еще одного выпустили на свободу, – шутили мы не без зависти, глядя на опустевшую койку.

И продолжалась эта непонятная тягомотина не месяц и не два. Наконец однажды нас собрали в классе.

– Вот что, ребятки, не будем ходить вокруг да около. Вы прошли достаточно серьезный отбор и психологическую подготовку, чтобы говорить с вами напрямик, – по-военному рубанул высокий (если судить по суете, устроенной возле него нашим начальством) чин в гражданском. – Солдатчина для вас кончилась. Вы не пушечное мясо, рассчитанное на одну атаку, вы предназначены для выполнения строго конфиденциальных заданий, о характере которых я пока говорить не имею права. Придет время – узнаете. А пока будет учеба. Наверное, она вам покажется странной. Даже очень странной. Не берите в голову. Это не ваши проблемы. Учитесь себе, лишних вопросов не задавайте, все равно на них никто отвечать не будет. Тот, кто выдержит последующий аттестационный экзамен, имеет шанс задолго до своих однополчан оказаться дома, что, согласитесь, стимул. Но для этого придется, ох, как потрудиться.

В справедливости последних слов нам пришлось убедиться уже на следующий день. Занятия длились с раннего утра до позднего вечера с короткими перерывами на завтрак, обед и ужин. Но даже за едой мы не могли расслабиться. Каждый раз, несказанно удивляясь происходящему, мы ели по-разному: за длинными свежеструганными деревенскими столами и прекрасно сервированными, покрытыми крахмальными скатертями, ресторанными столиками, вкушали флотский борщ в неожиданно объявившейся в нашем сухопутном здании судовой кают-компании и пили чай, сидя на кошмах в расставленной на плацу походной юрте, наскоро перекусывали тушенкой, подогретой на выхлопной трубе бульдозера, и грызли мороженую, только что вытащенную из специального морозильника строганину, пробавлялись сырыми лягушачьими лапками, глотали дождевых червей, улиток, слизней и прочую насекомовидную гадость, составлявшую аварийный рацион. Мы ели ложками, руками, восточными палочками и дюжиной рыбных, мясных и фруктовых ножей и вилок, учились правильно вытирать губы и пальцы бумажными салфетками и рукавами и подолом ватника.

Мы добивались правильной интонации отрыжки, допускающейся за столом у некоторых южных народностей. Мы должны были твердо знать, какие блюда для какой географической зоны наиболее характерны.

Мы заново учились курить! Держали в пальцах изящный «Мальборо» и козьи ножки, свернутые из газет. Пускали дым вертикальными струями и кольцами.

Использовали кальян и пробовали анашу. Мы научились выбрасывать сигареты из пачки ударом ногтя и закидывать их в рот щелчком пальцев.

Но это были не самые большие странности, ожидавшие нас в учебке.

Мы изучали основы грима, накладывали парики, клеили бороды и усы, рисовали шрамы, свежие ссадины и татуировки. Мы учились перешивать одежду, носить женские платья, колготки и туфли на высоком каблуке. Мы изучали акценты, молодежный сленг, азбуку для глухонемых. Высунув от усердия языки, рисовали обыкновенными ученическими ручками и химическими карандашами печати. Мы освоили езду на всех видах транспорта, включая верблюдов, ишаков и легкомоторные самолеты. Мы по миллиметрам ощупывали манекенов, обвешанных колокольчиками и специальными звуковыми датчиками, а потом с увлечением новичков лазили друг к другу в карманы, резали заточенными пятаками сумки и кошельки, за каждую украденную вещь набирая очки. Мы впитывали навыки десятков профессий. Попеременно мы были стропальщиками, токарями, бухгалтерами, скотниками, киномеханиками, геодезистами и тому подобное. Мы получали зачеты за карманные кражи, взломанные двери и сейфы, распиленные решетки, бесшумное передвижение по расшатанным деревянным лестницам, прыжки из окон и с идущего полным ходом поезда и автомобиля, симуляцию обморока и эпилепсии, организацию схронов и тайников, профессиональное попрошайничество, игру на гитаре и губной гармошке, мимику лица и жестикуляцию, уголовный жаргон и ораторское мастерство.

Совершенно жестокими методами нас приучали к пунктуальности. Если было сказано явиться в столовую в 13:03, то надо было явиться в 13:03, плюс-минус две секунды. На третьей секунде стол убирался и приходилось оставаться голодным! Никакие уговоры, обещания и раскаяния не могли уравновесить этой секунды. Мы тренировали внимательность и память бесконечное число раз, перечисляя вид и расположение предметов в комнате, в которую случайно заскочили неделю назад! Легче сказать, что мы не делали! Иногда нам казалось,

что из нас готовят актеров, иногда – профессиональных преступников.

Под стать предметам были преподаватели. Профессионалы в полном смысле слова.

Предмет «Карманные кражи» преподавал самый натуральный, с дореволюционным стажем, вор в законе. Абсолютно лысый, но с длинной, во всю грудь, седой бородой, с тонкими, как у выдающегося музыканта или хирурга, пальцами, с острым, как пика, языком.

– Дети, я хочу увидеть ваш инструмент, – так начал он с нами знакомство. – Я хочу знать, с чем мне придется иметь дело. Я прошу показать ваши пальчики. Положите руки на стол. И это называется пальцами? Что с вами сделала великая пролетарская революция?! Зачем она воткнула в эти руки серп и молот? Кому был нужен этот серп и молот? На что теперь годны эти пальчики? Раньше люди ценили свой инструмент, они тренировали его на фоно и скрипках. Они не хватались за клещи, если с этим могла справиться экономка. Я прошу вас, сделайте ваши пальчики вот так. А теперь так. Боже мой! Какое печальное зрелище! Наверное, этими пальцами можно варить сталь, рубить лес, класть кирпичи, наконец стрелять из карабина, но что делать такими пальцами в нашем интеллигентном деле? Я не знаю. Я хочу впасть в отчаяние и уйти. Время великих музыкантов и великих щипачей ушло безвозвратно, потому что не осталось достойного инструмента. Разве мог бы маэстро Паганини такими обрубками играть на скрипке? Разве мог бы Леня Крестовский вытащить из заднего кармана губернатора Киева золотой портсигар, в то время как тот безмятежно сидел на нем и на стуле в императорской ложе театра?!

Михалыч, так за глаза и в глаза звали мы своего преподавателя, свое дело помнил, хотя и перевалило ему в то время за семьдесят!

– Тренаж, тренаж и еще раз тренаж! Я хочу, чтобы ваши руки чувствовали колыхание воздуха от пролетевшей в соседней комнате бабочки! Подушечка пальца должна быть чувствительна, как натянутая на арфе струна. Тогда вы сможете сыграть такую симфонию, от которой у людей на глазах выступят слезы! Вы должны следить за своими ручками, как воспитанницы курсов благородных девиц за своей честью. Дети, что вы творите со своими руками! Вы ходите по морозу без перчаток, вы таскаете пудовые гири, простите, откусываете заусеницы и грызете ногти! Вы безжалостно ломаете подаренный вам природой тончайший инструмент. Руки настоящего щипача должны быть

взлелеяны и ухожены, как ручки дамы самого высшего света. Они должны быть ухожены лучше, чем ручка дамы высшего света! Ах, какие руки были в свое время у меня. Ни одна женщина не имела таких рук! И как я умел настраивать свой инструмент! Таким инструментом можно было творить чудеса. А вы ковыряетесь пальцами в носу. Молодежь! Стали бы вы ковыряться в носу микрометром или микроскопом?! Так ваши пальцы и есть ваш микрометр и ваш микроскоп! Что ты делаешь? Что ты творишь, негодный мальчишка! Так работать нельзя! Это, простите, карман, а не декольте на платье любимой девушки. И лезете вы не до трепещущей груди своей пассии, а до чужого кошелька. Согласитесь, это разные вещи. Я не скажу за вашу возлюбленную, но вряд ли ваши пальцы, щупающие сквозь карман чужое бедро, будут интересны тому прохожему. Я не могу поставить вам зачет. Миль пардон, любезнейший… Не имейте привычку отводить глаза, когда работаете клиента. Не надо прятать лицо. Боязнь привлекает внимание. Действуйте открыто, обаятельно, смело. Улыбайтесь в глаза, не бойтесь подарить человеку лишнюю толику радости, тем паче, что вашему клиенту скоро придется сильно загрустить по поводу безвременной утраты любимого гомонка. Улыбка рождает доверие, доверие притупляет бдительность. Любой сторонний человек, увидевший, что вы лезете в карман с обаятельной улыбкой на устах, подумает, что это шутки добрых приятелей. Попробуйте то же самое сделать с мрачной физиономией! Не впадайте в панику, если вас поймали. Не теряйте своего человеческого и профессионального достоинства. Честь выше двух-трех лет, проведенных за решеткой. Проигрывайте красиво, и вас будут уважать. Мальчик, я дал тебе этот шарик не для того, чтобы ты игрался в пинг-понг. Я дал тебе этот шарик, чтобы ты разминал пальчики. Ты должен работать днем, вечером, ночью, сидя на горшке и в кабинете гражданина начальника. Тренируйте ваши руки, если хотите иметь успех. Миша Кронштадтский не выпустил шарик из рук даже тогда, когда красивые комиссары подвели его к стенке. И это, я вам скажу, были руки! Таких рук больше нет. Я видел вот этими своими глазами, как он протискивал пальцы в спичечный коробок, не раскрывая его! Он вытащил одну за другой три спички и имел феноменальный успех. Я не знаю, как он это делал, но я это видел!.. Если вы думаете, что взрезать сумку это то же самое, что отмахнуть кусок колбасы, значит вам здесь делать нечего. Сумка не колбаса! Как вы держите лезвие! Хотя, как еще можно держать нынешние лезвия? Когда-то давным-давно я имел удовольствие работать золингеновскими лезвиями. Это, скажу я вам, были лезвия! В сравнении с ними современный продукт напоминает никогда не точенный топор. Золинг резал, как песню пел, легко и нежно, словно горячий нож сливочное масло. Бросьте это железо. Лучше возьмите обыкновенный пятак и заточите его, как бритву. Это будет дольше, но это будет прибор!

Удивительно то, что мы не признавали в Михалыче преступника. Нашим учителем был уголовник, вор, рецидивист с пятидесятилетним стажем, а мы воспринимали это как норму. Он был нашим преподавателем и прекрасным профессионалом в своей области. Не более того!

Интересно, что и он не признавал себя преступником.

– Вы думаете, мне нужен этот кошелек? – иногда философствовал он. – Мне нужен процесс, мне нужна игра. Вы думаете, мой лучший портмоне был самым толстым? Ничего подобного. Свой лучший кошелек я взял с начальника Ростовской уголовки на торжественном заседании, посвященном дню милиции. Сколько там было денег – пятьдесят рублей. Милицейские слезы! Но там присутствовало истинное искусство! Там была игра, азарт. А что деньги? Даже самый толстый кошелек не будет толще одной страницы моей биографии. Что вы понимаете в жизни. Эх, молодежь!

Не менее интересен был преподаватель грима, мимики и движения. Иногда он был склонен к грубости, но это целиком компенсировалось его профессионализмом.

– С подобной рожей тебя заберет первый милицейский патруль. Ты что, жабу съел? Расслабь мышцы. Покажи глаза. Тебе нечего скрывать. Тебе нечего бояться. Ты нормальный законопослушный гражданин. Подойди к милиционеру, улыбнись приветливо, спроси у него, где здесь поликлиника, спроси, который час. И не убыстряй шаг, когда уходишь. Не суетись! Запомните раз и навсегда: лицо тот же киноэкран. Какая пленка крутится у вас в голове, такой кадр проецируется на вашей физиономии. Так покажите мне приятную, радостную картинку… Убери эту мелкоуголовную прическу, раздвинь брови и не держи сигарету, как зубочистку, не выпучивай глаза, словно тебя голой задницей посадили на ощетинившегося ежа! Образ создают штришки. Так лепи из них целое… Как ты ходишь? Походка – визитка человека. По походке за полкилометра можно определить, кем работает человек, есть ли у него семья, здоров ли он, радостен или чего-то боится. Вы можете сколько угодно рассказывать, что вы служили на флоте или пять лет работали молотобойцем, но пройдите три метра и внимательный человек сразу скажет, что вы никогда не стояли на палубе корабля и не держали в руках ничего тяжелей ложки. Если вы не научитесь двигаться, все прочие знания будут бесполезны. Жест выдаст вас быстрее, чем язык. Я знал десяток сыскарей, которые провалились только потому, что неправильно держали рюмку или застегивали пиджак. Учитесь

думать телом, каждой мышцей, каждой клеткой. Грим – это последнее средство. Это жест отчаяния, когда все прочие средства перевоплощения исчерпаны. Когда истощаются мозги, человек хватается за краски. Ваша палитра – ваше лицо, ваша мимика, движение. Умейте управлять каждой мышцей – и у вас будет сто лиц! Что меняет человека? Борода? Усы? Парик? Чушь собачья! Глаза и губы. И еще привычки окружающих. Если тебя привыкли видеть суровым – губы строчкой – ты пройдешь незамеченным с широкой улыбкой и веселыми глазами. И наоборот. Борода и усы для дураков. Для костоломов, которые ничего не видят дальше своих кулаков. Таким дай атрибутику, бутафорию, шик. Один мой ученик, попав в переплет с подобным трудным контингентом, умудрился за тридцать минут, в кабинке ресторанного туалета, наголо обриться осколком оконного стекла, из тех же волос, на скорую руку соорудить бороду и усы, все склеить собственным, извините за физиологические подробности, естественным, мужского происхождения, клеем, обменяться пиджаком со случайным ротозеем (чему тот был безумно рад, так как получил отличный импорт взамен потертого отечественного ширпотреба) и в подобном виде гордо прошествовать мимо стоящих на страже преследователей! Они на него смотрели, но они его не видели! И это не только борода и усы, это уже талант перевоплощения! Поверьте мне на слово. Другой наш выпускник – видели бы вы его топором сработанную рожу – выкручивался из подобного затруднительного положения в женской одежде. И так в этом преуспел, что чуть не был изнасилован случайно повстречавшейся группой хулиганствующих подростков. И это, опять-таки, стало возможно благодаря только и исключительно филигранному владению мимикой, походкой, гримом. И кто теперь мне может возразить, что в предстоящем вам деле мимика и движение играют второстепенную роль?..

Менялись предметы, менялись преподаватели. От обилия информации и впечатлений голова шла кругом!

– Вы должны уметь выжить и стать своим парнем в любой среде, – не уставали втолковывать нам. – Вы одинаково безукоризненно должны держаться в кругу профессуры и мелкобуржуазного элемента, среди работяг и художественной элиты. А для этого вы должны знать, как они двигаются, говорят, едят, пьют, ходят в туалет, о чем думают, какие профессиональные хвори их одолевают. И вы должны точно так же, как они, уметь ходить, говорить, есть, пить, думать. Вы не можете позволить себе жить белой вороной в черной стае. Вы можете быть только черным среди черных! Биография любого человека – это тысячи осколков впечатлений, встреч, потерь и приобретений. Собранные воедино, выстроенные в строго определенной последовательности, они составляют жизнь. Мы учим вас из разрозненных цветных стекляшек, филигранно пригнанных друг к другу,

собирать совершенный витраж биографии. Но нельзя выдумать легенду, не подтвердив свою фантазию делом. Если вы утверждаете, что служите в балете, значит, будьте добры, надевайте пуанты и вставайте на пальцы. Если вы называете себя принцем датским, ведите себя соответственно. А если вы избрали роль судового кочегара, значит, должны управляться лопатой именно как судовой кочегар, а не как, например, землекоп. Знать – значит уметь. Знания, не подкрепленные умением, бесполезны и даже опасны. А потому трудитесь, не жалея времени и сил. Пригодится. Кто знает, может от того будет зависеть ваша жизнь.

И снова с утра до вечера мы торчали перед мониторами тренажеров и в лингвистических кабинетах.

Через год, когда все преподаватели посчитали, что мы достаточно подготовлены, нам объявили условия экзамена. Такого мы не ожидали! Нет, это были не билеты, не зачеты и не письменные работы в классах.

– Пришла пора доказать, что вы не зря ели казённый хлеб. Мы объявляем «день открытых дверей». Завтра, послезавтра или через неделю вы отправитесь туда, в большой мир. С собой у вас не будет ничего кроме армейского комплекта. Не будет еды, денег, дополнительной одежды, документов, жилья. Не будет даже элементарной расчески. Всё это вы должны добыть сами. Это и будет главным условием экзамена. Скажем больше, мы не гарантируем, что на кого-то из вас не будет объявлен в месте заброски розыск и, значит, ваши портреты появятся на стендах и в планшетах постовых милиционеров. Это для стимуляции вашей подвижности. Через два месяца мы отследим состояние ваших дел. Те, кто сможет легализоваться, организовать достойные легенду и быт, получат зачет и смогут вернуться домой или, по желанию, остаться там, где натурализовались. До особого распоряжения, может год, может пять, может больше, мы вас трогать не будем. Живите, как хотите. Тот, кто будет раскрыт, кто в течение указанного срока обратится к нашей помощи – отправится дослуживать в свои старые части с исключением времени, затраченного на учебу. Определим несколько НЕ. Вы НЕ должны покидать определенную вам географическую зону. НЕ должны выходить, тем более обращаться за помощью к родственникам, друзьям и знакомым, посылать им письма, звонить. Вся переписка только через учебку. НЕ должны обнародовать наш контактный телефон без крайней, точнее даже без сверхкрайней необходимости. Если вы, вступив в конфликт с законом, попадетесь – выкручивайтесь самостоятельно. Не сумеете выкрутиться – сидите до конца контрольного срока. И еще одно, может быть, самое серьезное НЕ.

Никому, никогда, ни при каких обстоятельствах вы не должны рассказывать об учебке и характере вашего задания. Нарушение данного НЕ будет расцениваться как разглашение государственной тайны и наказываться по соответствующей статье Уголовного кодекса.

Моя очередь наступила к исходу четвертых суток.

– Армейские сапоги, портянки, белье, хлопчатобумажные штаны и гимнастерка, шинель б/у, пилотка, – перечислил мой актив «костюмер». – Теперь карманы.

Я вывернул карманы, выложил на стол те немногие вещи, что позволялось иметь в учебке.

– Носовой платок можешь оставить, – милостиво разрешил инструктор, глядя на мой шмыгающий нос. – Не унывай, тебе еще повезло. Некоторых мы забрасывали на пляж в одних плавках. А у тебя шинелка!

– А куда меня направят? – попытался выведать я.

– Кто знает? Страна большая. Может, в заполярную тундру, может, в Сочи, – пожал плечами инструктор. – Иди лучше отъедайся последним ужином. Может статься, что в ближайшие сутки перекусить тебе не удастся.

Ужин я ел без аппетита, гадая, что меня ждет в скором будущем.

Я отвык от гражданки и опасался встречи с ней. Что-то будет?!

Ночью я летел на транспортном самолете, силясь по положению звезд и продолжительности полета определить точку выброса.

– Не мучайся. Дальше места не увезут, – посоветовал инструктор. – А время, что, оно и соврать может. У нас как-то одного такого следопыта полтора часа крутили над аэродромом, а выгрузили за забором родной учебки. Так-то.

Самолет пошел на посадку. Не давая возможности оглядеться, меня пересадили в крытую машину и везли еще около трех часов в неизвестном направлении. Наконец машина встала, дверца распахнулась.

– Выходи, приехали.

Я стоял на небольшой полянке среди хвойного леса.

– Два условия – эту дорогу не использовать и до смерти не умирать, – предупредил инструктор. – Ни пуха!

Мелкий дождик, капающий в лицо, отсутствие пищи, тайга на пять или сто километров вокруг и полная неизвестность – вот такой безрадостный получается актив. У диверсантов хоть парашют с собой имеется, оружие, спички, а я гол, как ощипанный сокол.

Стороны света я определил быстро, но какой от того прок, когда карта местности неизвестна даже приблизительно. Здесь что юг, что север, что квашеная капуста – все едино.

«Если не знаешь куда идти, ищи водоем, – вспомнил я совет инструктора по природному выживанию. – Ручеек впадает в ручей, ручей в реку, река в другую более крупную. Где большая вода – там непременно встретится жилье. Люди без воды не могут».

Действительно, в первой же попавшейся на пути деревне можно, изобразив «кораблекрушение» и всплыв в одних трусах, обзавестись гражданской одеждой. В крайнем случае ее можно позаимствовать с ближайшей бельевой веревки. «Утопленника», даже если и поймают – не накажут. Народ у нас жалостливый, на утопленников и погорельцев руку не поднимает.

Я отыскал самую высокую сосну, влез на нее и внимательно огляделся. Ни населенных пунктов, ни просек, ни покосов, ни домов, ни даже реки не обнаружил. Но заметил небольшую грунтовую дорогу.

Взяв азимут, я часа за полтора дотопал до нее. Весь следующий день, лежа в хорошо замаскированном логове, я наблюдал за движением, в первую очередь отслеживая военные и другие не сулящие мне добра автомобили. Глупо в самом начале пути напороться на случайный патруль или собственными ногами притопать к КПП военного городка или секретной площадки. Лесная дорога чревата самыми неожиданными сюрпризами.

Ночью, выбравшись из схрона, я пошел вдоль обочины в выбранном направлении, прячась в придорожных кустах от фар встречных и попутных машин. У первого крупного перекрестка я снова залег на дневку. Здесь движение было более оживленное – машины сновали туда-сюда с интервалом не более пяти минут.

Постепенно картина вырисовывалась. Судя по номерам и характеру грузопотока, я находился где-то на стыке Урало-Сибирского региона. Ну что ж, не худший вариант.

В учебке рассказывали, что на заре ее создания, одного бедолагу курсанта по невнимательности пилота выбросили среди голой тундры. Немного озадаченный превратностями судьбы, курсант выбрал приглянувшееся ему направление и зашагал искать людей, среди которых ему предстоит натурализоваться. В это время в учебке, обнаружив, что в месте выброски на ближайшие тысячи квадратных километров ничего нет, развернули полномасштабную войсково-спасательную операцию, чтобы помочь жертве авиационной небрежности. Двухнедельный поиск ничего не дал. Курсант был признан погибшим, родственникам выслали соболезнования, пустой цинк и материальную помощь. Пилота отдали под суд, инструктора-куратора, летевшего в самолете, разжаловали в запас. Историю мало-помалу замяли.

Через восемь месяцев по контактному телефону раздался звонок. «Погибший» курсант недоумевал отчего, несмотря на то, что оговоренный контрольный срок давно вышел, его никто не проверяет. Оказалось, курсант без еды и бивачного снаряжения топал восемьсот километров по тундре, пока случайно не наткнулся на становище пастухов-оленеводов. Да, он видел поисковые самолеты и вертолеты, но, как его и учили, прятался от них, опасаясь быть случайно обнаруженным и раскрытым. Пастухи накормили и одели потерпевшего бедствие туриста (так объяснил свое присутствие в этих безлюдных местах курсант) и оставили при себе до конца отгонного сезона или случайной оказии. Курсант быстро адаптировался к северной жизни, подружился со своими спасителями, освоил олений промысел и решил от добра добро не искать. Ко времени звонка он работал главным бухгалтером оленеводческого совхоза и спрашивал получил ли он зачет и что ему делать дальше.

Так что мне, как ни крути, в смысле географии повезло больше. Урал – не тундра, здесь можно было надеяться не на одних оленеводов. Теперь, когда я

примерно знал свое местоположение, моей задачей было как можно быстрее добраться до крупного города: там затеряться и обеспечиться всем необходимым несравнимо легче, чем в деревне, где всякое незнакомое лицо бросается в глаза.

Ночью, на ходу забравшись в кузов медленно ползущего в гору грузовика, я отмотал восемьдесят километров и оказался на окраине крупного населенного пункта. Вошел в него я пешком по второстепенной дороге, чтобы избежать случайного контакта с обычно стоявшими на въездах патрулями ГАИ и ВАИ. Береженого бог бережет.

Теперь мне не мешкая надо было избавиться от военной одежды. Солдат, передвигающийся в одиночку, всегда вызывает подозрение, и опасны ему не одна только милиция, но еще и патрули, да и любой встречный офицер может, если ему взбредет это в голову, проверить документы. Тут рано или поздно нарвешься на неприятность. Проще и быстрее всего подобную задачу можно было решить на средней величины предприятии, где, с одной стороны, не слишком серьезная охрана, с другой – достаточно много работников, чтобы они не знали друг друга в лицо. Форма на подобных заводах не в диковинку, так как многие рабочие используют старые шинели и гимнастерки в качестве грязной одежды, к тому же здесь, как правило, не редкость стройбат.

Пройдя от конечной трамвайной остановки по хорошо натоптанной тропе и протиснувшись в узкий пролом в заборе, я скоро бродил по внутренней территории подобного заводика. Как и ожидалось, внимания на меня никто не обращал, поэтому перестраховка – обрезок трубы, покоящийся на моем плече и способный любому встречному доказать, что я свой и просто иду со склада в цех – была излишней. Сделав круг, я легко определил самую большую рабочую раздевалку. Поднявшись по лестнице, я быстро скинул форму, прошел в душевую и с удовольствием подставил себя под горячие струи. Здесь я чувствовал себя в безопасности. Голые все одинаковы, что военные, что рабочие, что ведущие конструктора, а паспортов у них по причине отсутствия карманов при себе нет.

Смена была в разгаре, людей в раздевалке было мало. Выждав момент, когда одевшись ушли последние, я с помощью примитивной отмычки, выгнутой тут же из куска случайной проволоки, вскрыл ближние одежные ящики. В первом висела бесполезная роба, во втором не подошли размеры, третий ящик обеспечил меня вполне приличной гражданкой. Немного велики были ботинки,

но это не смертельно.

Только тут я по достоинству оценил удивлявшие нас критерии отбора курсантов на учебку. Далеко смотрели наши командиры. Каково было бы мне подобрать себе одежду имея двухметровый рост, саженные плечи или ступни сорок пятого размера. А так каждый второй гардероб мой!

Кроме одежды, я обзавелся крайне необходимой мне для легализации карманной мелочью – связкой домашних ключей, записной книжкой, денежной медью и серебром, авторучкой, трамвайными абонементами. Человек с пустыми карманами столь же подозрителен, как человек с карманами, набитыми сотенными купюрами. Теперь я внешне ничем не отличался от тысяч окружавших меня обывателей, спешащих с работы домой или из дома на работу.

Получив столь необходимую мне психологическую передышку, я стал думать, где мне раздобыть подходящие документы. Но и здесь меня не подвела учебка. «Паспорта всегда ходят рядом с деньгами, – говорил инструктор, – в других местах они людям без надобности». Между сберкассами, кассами аэрофлота, отделами магазинов, торгующих в кредит, и почтами я выбрал последнее.

Несколько часов, проведенных в различных почтовых отделениях, результатов не принесли. Мне нужен был человек примерно моего возраста и внешнего вида.

Как назло в очередях стояли пожилые мужчины и женщины, словно в городе разом открылись все богадельни. Наконец я увидел то, что искал. Конечно, мы были не близнецы, но некоторое подобие физиономии просматривалось. Мне нужно было лишь изменить прическу и слегка поправить лицо с помощью простейшего грима. Да и кто абсолютно похож на свои фотографии на паспортах, сделанные черт знает сколько лет назад, в средней руки фотостудии (на таких фотошедеврах сам себя не признаешь) и кто, кроме милиции, внимательно рассматривает эти фото.

Мой «клиент», изрядно поторчав в очереди, получил перевод, сунул паспорт в карман брюк (чем сильно облегчил мою задачу) и вышел на улицу. Я двинулся следом. Я был спокоен, ибо знал, что чуть раньше или чуть позже, паспорт будет у меня. По «карманке» у меня была твердая четверка. В небольшой толкучке у кинотеатра (люди выходили из зала), я вплотную притиснулся к объекту, несильным ударом руки слева отвлек его внимание и быстро вытянул паспорт из

правого кармана. Дело было сделано в секунду. Ни один колокольчик не шелохнулся.

– Ты уж прости, – искренне извинился я и отбыл в сторону.

– Ничего, бывает, – пробормотал мне вдогонку только что ставший беспаспортным гражданин.

В паспорт был всунут корешок флюорограммы (дополнительный штришок достоверности) и перевод. Я пересчитал сумму. Для легального ухода из города денег было мало, и чтобы набрать требуемую сумму, мне пришлось несколько часов покрутиться в городском транспорте, потолкаться в шумных магазинных очередях. Угрызений совести, потроша чужие кошельки, я не испытывал. От подобных глупостей меня отучили еще в учебке. Я думал о выполнении задания, а не о нравственности своих поступков. Не мог я позволить себе эмоции. Невозможно идти вперед, все время оглядываясь назад.

Правда, обирать я старался людей обеспеченных, но вовсе не из-за жалости, просто мне нужны были большие деньги, а не медяки бедняцких кошельков. Рисковать из-за мелочи в моем положении было бы непростительной глупостью.

Вечером, растворившись в толпе пассажиров, я отбыл из города. У меня было новое имя, новая фамилия, отчество, адрес, жена и подробно разработанная легенда. На моих плечах плотно сидел только что купленный в комиссионке (новая одежда не годилась, так как она привлекает внимание) пиджак, в портмоне лежала не очень большая (опять-таки, в целях конспирации), но достаточная для двухнедельной поездки сумма денег, в руках легкий чемоданчик с обычным дорожным набором и испеченными любящей супругой (а вообще-то купленными на базаре) пирожками.

– Вы куда направляетесь? – поинтересовался я у соседа по купе. – Значит, по пути. Давайте знакомиться…

Поезд уносил меня в определенную мне для «выживания» географическую зону. Первый этап натурализации прошел довольно удачно, а что будет дальше только богу и известно.

Поезд опаздывал на шесть часов. Пассажиры нервничали, ругали порядки, царящие на железке, и заодно проводников, как ближайших ее представителей. Проводники вяло огрызались, справедливо объясняя, что даже самые крепкие выражения поезду скорости не добавят. Люди нервничали оттого, что рушились их планы – кто-то опаздывал на работу, кто-то не успевал на семейное торжество, кого-то должны были встречать родственники. И только я, внешне подстраиваясь под общее раздражительное настроение, внутренне был совершенно спокоен. Новый город не обещал мне ничего хорошего, чтобы я спешил попасть туда быстрее. Меня не ждали родственники, друзья, работа.

Уже за порогом вокзала меня подкарауливала куча проблем: где жить, где работать, что есть… Поезд, с его временным, но устоявшимся бытом, казался мне почти домом: есть постель, есть столик ресторана, есть доброе участие случайных знакомых. Век бы ехал.

Город встретил противной пасмурной погодой и прилипчивой назойливостью вокзальных цыганок, сующих в самые глаза предлагаемый товар.

– Заломить бы тебе смуглые рученьки, да свести в ближайшее отделение милиции, – негодовал я на особо настырных представительниц кочевого племени и одновременно, следуя избранной ранее легенде среднего парня-работяги, чуть не молодожёна (если судить по паспорту), приценивался к дефицитному товару.

«В следующий раз буду выбирать паспорта более осмотрительно, – зарекался я, – чтобы не надо было заботиться о подарке для молодой супруги и заинтересованно разглядывать колор очередной навязываемой помады».

– Ладно, давай одну.

– Возьми, касатик – не пожалеешь. Жене подаришь, любимой подаришь. А будешь ли любим, дай руку – всю правду скажу, что было, что будет, что на сердце лежит… – тараторила пожилая цыганка и сильно тянула мою ладонь. Наверное, я хорошо вошел в роль парня-простачка, легко расстающегося с «лишними» рубликами.

– Ой, касатик, жизнь твоя была разная, и все больше трудная. А ждет тебя скорая дорога в казенный дом… – неожиданно цыганка осеклась. – А помада

кому?

– Жене.

Цыганка еще раз взглянула на раскрытую ладонь и уже без обычного ерничества сказала:

– Ждет тебя скоро большая беда в казенном доме. И сам ты из казенного дома. И жены у тебя никогда не будет.

Я быстро вырвал руку и протянул цыганке деньги. Но она уже растворилась в сутолоке толпы.

– Бойся человека в форме, – донесся ее уходящий голос.

Я быстро осмотрелся, но на меня никто не обращал внимания. Чертова цыганка! Выбила из колеи! Я подхватил чемоданчик и быстро пошел к остановке такси.

Устроившись в гостинице, я решил форсировать действия по легализации.

Первое – работа, второе – жилье, третье – круг знакомых и друзей, четвертое – любовная связь, определил я первоочередные задачи. То есть все то, что обычно имеет всякий нормальный человек и что позволит мне стать таким человеком.

Реализация первого пункта усложнялась отсутствием у меня на руках (да и в природе как таковой) трудовой книжки. Можно было, потолкавшись в районных бюро по трудоустройству, позаимствовать ее у первого же безработного ротозея и исправить под себя. Других мест, где запросто «ходят» бланки трудовых, я не знал. У работающих они надежно заперты в сейфах отдела кадров. Но заниматься карманными кражами в городе, где мне предстояло жить, не хотелось. Не гадьте там, где обосновались, – сто раз повторяли нам в учебке. Нужно было искать другие, более легальные пути.

Конечно, сделать липовую книжку есть возможность у любой работницы отдела кадров, но это как минимум усложняющий жизнь любовный роман. Убедить кадры закрыть глаза на некоторые канцелярские нарушения и выписать новую трудовую мог, в принципе, любой начальник, но для этого надо быть с ним

знакомым. Я определил цель – руководящее звено небольшого предприятия или учреждения. Где их искать? На работе с подобным контингентом не познакомишься, там они заперты в непробиваемые официально-бюрократические доспехи. Дома? Так не приглашали. Где же еще может проводить время управленческий интеллигент среднего звена? Театр – слишком официально.

Кино – слишком непрестижно. Баня – для избранных. Дачи – не сезон. Остается ресторан.

В центре города я выбрал несколько престижных, но не очень шумных ресторанов и, ежевечерне меняя, стал посещать их. Я подсаживался к хорошо одетым мужчинам с типичными командно-управленческими жестами и манерами, легко читаемыми в обращении с официантами, заказывал не очень обильную, но достаточно изысканную еду и выпивку. Щедро угощал соседа, однако веселых бесед не поддерживал и вообще был печален, рассеян и замкнут в себе. Рано или поздно чувствующий себя обязанным за бесплатное угощение сосед по столику задавал нужный мне вопрос.

Быстро выяснилось, что этот город для меня случаен, что молодая жена через три месяца после свадьбы наставила новоиспеченному мужу, то есть мне, рога с моим же близким приятелем. Что, не перенеся такого удара, я бросил все: работу, квартиру и в чем есть шагнул за порог, сел в поезд и поехал куда глаза глядят. И теперь, не видя выхода, просаживаю здесь последнюю наличность в этом вот ресторане. Что ходу назад нет, что легче лечь на рельсы, чем сесть в идущий по ним обратно поезд. Вот такая душещипательная история.

Застольный сосед, изрядно подогретый дармовой выпивкой, сочувствовал, входил в положение и давал бесполезные, а когда и очень даже ценные советы.

– Брось ее, стерву! Оставайся здесь, живи, устраивайся на работу. Городок у нас ничего, девчат хватает.

– У меня трудовой нет, характеристик, военного билета, диплома. Все там осталось, – безнадежно вздыхал я.

– Пусть вышлют.

Я категорически мотал головой, как бы говоря – назад ходу нет, старая жизнь перечеркнута жирной чертой. Любые упоминания о прошлом – ржавый нож, воткнутый в незажившую рану. К тому же, если узнают мое местоположение, начнутся уговоры, раскаяния, слезы, угрозы. Нет! Не хочу!

– В конце концов, можно устроиться так, а потом когда-нибудь переправить документы, – искал выход из положения новый ресторанный друг. – У меня есть знакомые, можно поговорить…

Отгуляв два десятка ресторанных вечеров, я располагал кучей знакомых и полудюжиной интересных деловых предложений. После тщательного анализа я выбрал одно – опытное производство в небольшом нережимном (значит, пристальной проверки не будет) НИИ. С подачи замдиректора по административно-хозяйственной работе отдел кадров сломался быстро и принял меня на работу в должности мастера инструментального цеха. Предлагаемую работу снабженца я отверг, как чересчур опасную – кто знает, с кем может столкнуть судьба-злодейка находящегося в постоянных разъездах «доставалу».

В общежитии завода-субподрядчика меня обеспечили койкой в комнате и, что много важнее, легальной пропиской в паспорте. Штамп выписки я загодя нарисовал с помощью обыкновенной ручки и ластика.

Короткий, полный комплиментов и полупрозрачных намеков разговор с перезревшей комендантшей общежития, превратил комнату на троих в отдельную, хотя и с двумя пустыми койками и перспективой возможного подселения квартирантов. В профкоме, не без помощи все того же зама по АХЧ меня поставили в очередь на квартиру.

– Не дрейфь, – дружески стучал меня по плечу зам на очередной дружеской вечеринке, – получишь квартиру, обживешься и потечет жизнь тип-топ!

По первым пунктам натурализации можно было подводить итог – есть устойчивая, не без перспективы работа, прописка, жилье, круг весомых, способных помочь в самых щекотливых вопросах, знакомых. Оставался пустяк – личная жизнь, и желательно не с комендантом родного общежития. Что ж, неплохо. Очень неплохо! Наверное, далеко не каждый курсант учебки может похвастаться такими успехами. Меньше чем за месяц провернуть такую работу!

Я упивался горячей любовью к самому себе, не догадываясь, что уже следующая неделя развеет в прах с таким трудом построенную мною пирамиду благополучия. И виной тому будет не хитроумный контрзаговор, не умный ход противной стороны, а совершенно нелепый, совершенно дурацкий случай, предусмотреть который не в состоянии даже самый умудренный профессионал. Я радовался как надутый гусак, а стрелки отсчитывали последние часы моего благополучия.

Наверное, сам черт дернул меня в тот вечер отправиться на вокзал. Приспичило принести на ответственную, в смысле наработки полезных связей, вечеринку бутылку марочного коньяка, вместо обычной водки. Магазины были закрыты, ближайший ресторан – вокзальный. Так я и очутился один на один со случайной арбузной корочкой, на которой, успешно поскользнувшись, разбился в самые последние дребезги.

– Будьте добры, ваши документы, – попросил молоденький, с ушами в стороны, милицейский сержантик.

– А в чем, собственно, дело?

– Дело в документах. Паспорт предъявите.

– На каком основании? Я не понимаю почему!.. – с уверенным напором начал я. Но уверенности я не чувствовал, а чувствовал противный липкий страх. Где-то я прокололся. Но где? Когда?

Можно было попытаться убежать, но за спиной сержанта стоял его напарник. Рисковать? А если это обычная формальная проверка?

Выказывая всем своим видом нетерпение, я протянул паспорт.

– Ну, точно! Я же чувствовал. Я же видел! – совершенно по-детски обрадовался сержант. – Меня в милиции всегда в пример ставили за память. Я раз увижу и всё, навек! Ну, вот же, вот! Фамилия другая, а паспорт выдан и предыдущая прописка как раз по месту розыска. Хорошо я при переводе ориентировку забыл сдать, так и осталась в планшетке. И на тебе, пригодилась! А лицо. Посмотри – лицо-то не его! Вот скулы, разрез глаз… Посмотри.

Всё ясно. Парня, буквально днями, перевели из области, где на меня, стараниями учебки, объявили розыск. Случайно его послали именно туда, куда направился я. Случайно у него оказалась феноменальная зрительная память. Случайно в планшетке затерялась ориентировка с фотопортретом моей личности. Именно сегодня, ни часом раньше, ни часом позже я прошел мимо его поста, высветив физиономию в свете, опять-таки, случайного фонаря. Калейдоскоп случайностей! Тысячи необязательных на первый взгляд звеньев причин сцепились в единую, логически завершенную и не сулящую лично мне ничего хорошего цепь следствия. Всё. Круг замкнулся!

– Да бросьте вы, ребята. Какой преступник? Посмотрите внимательно. Разве я похож на уголовника? Побойтесь бога! Это просто идиотское совпадение, – перешел я на дружеский тон, стараясь усыпить нездоровую бдительность сержанта. – Я иду с работы на вечеринку, вот, зашел купить шампанского. А вы говорите преступник. Ну, хотите я вам дам адрес работы…

– А прописка как же? А место выдачи паспорта? А? – упорствовал милиционер.

– Каких только случайностей не бывает. У меня тёща слесаря-сантехника за Алена Делона приняла, чуть дара речи не лишилась. Стоит Ален Делон на пороге в робе с водопроводным коленом и разводным ключом и спрашивает, где здесь унитаз течет, – пытался разрядить обстановку я, одновременно лихорадочно соображая, как безопасней ретироваться.

Я уже понимал, что игра проиграна, что сержант будет гнуть свою линию до конца. Единственной возможностью спастись было немедленное бегство. При решительных действиях шанс у меня был. Потянуться за паспортом, сбить сержанта резким ударом носка ботинка в коленную чашечку, опрокинуть на напарника и, пользуясь секундным замешательством, нырнуть в толпу. Предположим, толпа будет пассивна и не подставит мне подножку. Куда я денусь дальше? Платформы отпадают, слишком светло. Привокзальная площадь… – Я лихорадочно проигрывал варианты бегства, постепенно, с дружеской улыбкой, приближаясь к сержанту.

Словно почуяв опасность, сержант поднял глаза от паспорта и приказал:

– Ну-ка, стойте на месте! Вот так. А ты, младшой, встань-ка сбоку. Мало ли что ему взбредет в голову. Судя по ориентировке, гусь еще тот.

– Ну вы, ребята, совсем. Смешно, честное слово! – рассмеялся я, пробуя отступить, но младший сержант быстрым шагом придвинулся и встал рядом, под правое плечо.

«Профессионально работают», – отметил я. Вокруг собирались зеваки, образуя плохо одолимую живую изгородь. Одним рывком такую не пробьешь, а второй попытки, скорее всего, отпущено не будет.

– Следуйте за мной, – предложил сержант. – Прошу!

«Вот и всё, – понял я. – Как мгновенно благополучие превращается в безнадежность. Еще двадцать минут назад я, полный беспечного оптимизма, шагал в ресторан и вот я уже почти зэк! Завтра они пошлют запрос по месту выдачи паспорта, там проверят данные, быстро выяснится, что паспорт утерян, что представил его подозрительный во всех отношениях самозванец. Согласно розыскной ориентировке я сбежал из мест заключения, значит меня передадут в руки… Чьи? Милиции? Отцов-командиров учебки? Ладно, без разницы, куда бы меня не этапировали, задание безвозвратно провалено. В лучшем случае пару месяцев меня покантуют по КПЗ, а потом – шагом марш в родную армейскую часть, дослуживать положенные месяцы. Печально!»

Младший сержант цепко обхватил меня за руку.

– Куда его?

– Давай пока к нам в отделение, а утром разберемся.

«Словно мелкого воришку, – подумал я, ловя на себе любопытные, а порой злорадные взгляды расступающейся толпы. – А собственно, кто я? Паспорт раздобыл в чужом кармане, деньги нашел в чужих кошельках. Биографию и ту украл! Говорят – победителей не судят. Наверное. Но я-то проиграл по всем статьям!»

– Примите, – передал меня сержант дежурному по отделению.

– Кто такой?

– Темная личность.

– Ладно, заводи.

Отделение было махонькое, неприспособленное, наспех переделанное из подсобного вокзального помещения.

Помощник дежурного открыл дверь, повел меня по узкому коридору. Выбирает камеру, понял я. Только из чего выбирать – камер-то всего три. В одной наверняка женщины, в другой вдрызг пьяные пассажиры или подростки. Остается одна.

Милиционер загремел связкой ключей, неосторожно повернувшись ко мне спиной.

Ну и порядок у них тут! Совсем службу забыли. Дать бы ему по затылку, чтобы бдительности не терял.

– Давай, заходи, – приказал надзиратель.

– Эй, начальник, тут полный комплект, – возмутились из полумрака. – Друг на друге сидим, дышать нечем. Веди его дальше.

– Ничего, поместитесь. Не гостиница, – лениво огрызнулся мой сопровождающий.

– Неужели не понятно, нет здесь места! Что ж нам – стоять, – разом в несколько голосов загомонила камера.

– Хватит бузить! – гаркнул милиционер. – Сказано сюда, значит сюда, – и толкнул меня в спину. – До утра перебьетесь, а там видно будет.

Постепенно мои глаза привыкли к полумраку камеры. Я разглядел четырех сидящих на двухъярусных нарах. «Не так уж у них тесно», – подумал я.

Как требовали в учебке, я в первую очередь рассортировал потенциальных противников (а при выполнении задания любого нового человека принято

считать заведомым противником) по ранжиру – возраст, вес, рост, комплекция, физическое развитие, цвет волос, глаз, кожи, особые приметы и дал каждому карикатурную, то есть характерную только для него кличку. Теперь я не рисковал упустить или перепутать между собой новых знакомых. Каждый занял отведенную для него нишу, намертво засел в памяти.

Дед – лет сорок, похоже, здесь лидер.

Шрам – ножевой шрам через все лицо.

Бугай – по виду бывший борец или тяжелоатлет.

Пацан – самый молодой и никакой внешне.

Первые страницы личных досье были открыты. Теперь мне было важно заметить, кто первый откроет рот, кто с кем переглянется, за кем останется последнее слово. Мелкие штришки взаимоотношений, на которые обычный человек не обращает никакого внимания, обеспечивали меня бесценной информацией, позволяли выстроить психологический портрет незнакомой компании, правильно распределить приоритеты, выделить направление угрозы, избрать верную линию поведения.

– Успех внедрения решают первые мгновения общения. Если вы не умеете быстро определить, кто есть кто, за кем сила, а кто ходит в шестерках – лучше молчите, изображая наследственного глухонемого паралитика. Может быть, это поможет сохранить вам голову, – советовал преподаватель предмета «Психология внедрения». – Первое знакомство – это как театральная премьера! Настроился на волну зала, почувствовал зрителя, нащупал струнки интереса, сочувствия, подыграл – будет аншлаг. Нет – готовься к оглушительному провалу. Но не дай вам бог переиграть, не дай бог ошибиться!

Всё это – заметить, разложить по полочкам, проанализировать, сделать предварительные выводы я успел за те две-три минуты, что стоял посреди камеры, изображая растерянность и ни на кого вроде бы не глядя.

– Принес черт подарочек! Ни вчера, ни сегодня! – процедил сквозь зубы Шрам.

– Ладно. Он сюда не просился! – осадил его Дед. – Садись, – кивнул мне на табуретку напротив нар.

Приоритеты определялись.

Дед – авторитет. Если под кого и подстраиваться, то под него.

Бугай – гора мышц при старике. К самостоятельным действиям вряд ли способен, но шею свернет в секунду, только мигни, задумываться не будет.

Шрам – ходит под стариком, но рвется к власти. От такого в любой момент жди фортеля. Пожалуй, самый непредсказуемый, самый опасный в этой компании.

Пацан – так, шестерка. Ни веса, ни голоса не имеет. При определенных обстоятельствах его можно попытаться использовать.

Я сел.

– Кто будешь? – спросил Дед.

А кто я? Бежавший зэк без криминального стажа? Солдат без части? Вор без выгоды?

– Я случайно тут. По недоразумению. Я мимо шел… – забормотал я.

– Ладно, понял. Ложись, прохожий. Отдыхай пока, – приказал Дед.

Пацан спрыгнул с верхних нар.

Удивленный странной, не принятой в подобных заведениях вежливостью, я забрался на нары.

Было ясно, что люди, собравшиеся в камере, не случайные знакомые. Для этого они общались слишком накоротке. Либо они высиживают здесь не первую неделю, либо, что более вероятно, знают друг друга давно. В любом случае следовало держать ухо востро.

Я немного повздыхал, поворочался и сделал вид, что уснул.

– Эй, наверху, – окликнул меня Дед.

Я не ответил, сонно посапывая, иногда, для пущей убедительности, всхрапывая.

– Погляди его, – распорядился Дед.

Шрам встал, зажег спичку, приблизил ее к моим глазам.

Ну, этим нас не возьмешь. Еще в учебке нас учили как правильно изображать крепко спящего человека.

– Спит, – уверенно сообщил Шрам, – как младенец.

– Лучше бы этот младенец спал дома, – проворчал Бугай.

– Давай к делу, – потребовал Дед.

– Тогда сегодня, – сказал Шрам, – завтра нас переведут в горотдел и хана. Оттуда не уйдешь.

– А отсюда?

– Попробовать можно. Отдел на ремонте, временно впихнут в случайное помещение, легавых – всего ничего, и наверняка спят как сурки. Если попасть в коридор, то в конце есть окно, на нем решетка на скорую руку. Пустяк – толкнуть раз.

– А как в коридор попасть?

– Как раньше думали, так и попасть…

Похоже, в камере готовился побег! Мое неожиданное появление, естественно, не входило в планы заговорщиков. Что они предпримут? Отложат попытку или попытаются нейтрализовать меня? Судя по их настрою, последнее более

вероятно. Надо было подумать о своей безопасности.

Я заворочался «во сне», повернулся, принял наиболее безопасную позу – лег на бок, плотно уперевшись спиной в стену, левую руку положил под себя на случай удара заточкой снизу, сквозь нары, ноги подтянул к груди, защищая живот.

Заговорщики напряженно замолкли, снова поднялись, проверили сплю ли я, успокоились.

Что делать? Поднять тревогу они мне, конечно, не дадут. Значит, предупредить побег нельзя. Остается бороться за свою жизнь в момент побега. Времени на то, чтобы долго возиться со мной, у них не будет. Значит, у меня есть шанс…

Увы, моему шансу сработать было не суждено.

– Давай! – скомандовал Дед.

Я напрягся, но было поздно. Со стороны изголовья метнулась чья-то рука, вывернула, задрала мне, ухватясь за подбородок, голову. В горло, напротив сонной артерии, уперлась, царапая кожу, отточенная сталь. Сейчас достаточно было несильно толкнуть заостренный гвоздь, штырь, ложку или что там у них за оружие, чтобы черной струей брызжущей крови из меня в несколько минут вытекла жизнь! Как глупо!

По шее частыми горячими каплями поползла кровь, но глубже заточка не шла. Я вспомнил примету фронтовых разведчиков – если сразу не убили, значит не убьют, значит ты им зачем-то нужен.

– Тс-с! Молчи, дурак, если жить хочешь! – зашипел мне в ухо Шрам.

Одновременно кто-то забарабанил в дверь. Шрам чуть ослабил хватку и я смог оглядеться. Стучал Пацан. Деда видно не было. Бугай стоял, свесив голову, возле зарешеченного окна и от его шеи вверх шла туго натянутая, сплетенная из разорванной рубахи веревка. Бугай повесился?! Когда?! Почему?!

– Откройте! – орал Пацан, барабаня в дверь пустой кружкой.

Наконец подошел милиционер, спросил через дверь:

– Что там у вас?

– Скорей! Заключенный повесился!

Милиционер внимательно взглянул в глазок, наверняка увидел обвисшее тело Бугая, секунду посомневался не крикнуть ли, как предписывалось, помощь, но потом решил действовать быстро и самостоятельно.

– Всем сесть на нары, руки сложить на колени! – скомандовал он и, открыв дверь, быстро прошел к Бугаю.

Пацан запрыгнул на нары, прикрыв меня и Шрама.

Милиционер, кося глазом на нары, потянулся к веревке и тут Бугай ожил. Сильнейшим ударом в пах и мгновением позже в лицо он свалил милиционера, быстро освободил узел веревки, пропущенной под мышки, прыгнул к двери. Пацан соскочил с нар и на всякий случай зажал рот милиционеру.

Расчет преступников был верен. Наверное, ни в каком другом случае милиционер не открыл бы камеру и не вошел бы туда ночью в одиночку. Его подвела человечность.

Сержант стал приходить в себя, замычал, задвигался на полу. Дед приблизился к нему и, убедившись, что его слышат, сказал:

– Мы взяли заложника. Понял? Ты понял?! Ты будешь молчать полчаса! Если мы заметим погоню, мы убьем его, – и Дед отодвинулся, чтобы милиционер увидел меня с приставленной к горлу заточкой. – Ты понял?!

Милиционер кивнул.

– Мы убьем его. Убьем! – повторил Дед и сильным ударом в висок снова отключил милиционера.

Вот в чем дело! Теперь я буду служить буфером между заговорщиками и погоней. Мной, как мешком с песком, они будут защищаться от милицейских пуль. Но почему они не взяли в заложники сержанта? Да потому, что за милицейскую жизнь дают вышку, а за гражданскую – срок, – сам себе ответил я. И еще это значит, что убивать они будут всерьез, для шантажа они предпочли бы сержанта.

– Пошли, – скомандовал Дед.

– Ты всё понял? – угрожающе спросил Шрам.

Я моргнул.

– Попробуешь вырваться или крикнуть – считай себя мертвяком, – предупредил Шрам и подтвердил серьезность своих намерений, чиркнув по моему горлу заточкой.

Я дернулся от резкой боли.

По одному выскочив за дверь, мы дошли до окна в конце коридора. Бугай навалился на решетку и, тихо раскачав ее, вытянул из стены крепежные крючья. Окно было открыто. Протиснувшись в образовавшуюся щель мы попрыгали вниз.

– Ходу! – скомандовал Дед.

Из-за ближайшего угла просигналила фарами машина. Значит, их ждали. И, значит, этот побег, исключая мое присутствие, не был импровизацией. Преступники ввалились в машину.

– А это кто? – спросил водитель.

– Страховой полис, – ответил Дед. – Поехали!

Сзади, со стороны отделения милиции послышался шум, свистки.

– Поздно, – подумал я.

– Поздно! – хихикнул Шрам и только теперь отнял от моей шеи заточку. – Поздно проснулись мусорки!

Машина рванулась с места.

– Медленнее! – распорядился Дед. – Не хватало еще за превышение скорости нарваться на ГАИ. Хватит нам проколов.

«Значит, это и будет их схрон, – понял я, оглядывая двухкомнатную квартиру планировки пятидесятых годов. – Не так уж плохо: отопление, вода, свет, коммунальные услуги. Мое, месячной давности, логово было куда проще – земля, ветки со всех сторон, да подушка елового лапника под животом. И все же чувствовал я себя там, в земляной берлоге, гораздо комфортней».

– Шагай! – толкнул меня в спину Бугай.

– Ох! Хорошо! – пропел Шрам, упав в кресло и блаженно раскидав в стороны руки и ноги. – После казенных-то нар!

Дед проверил запоры на двери, сбоку отодвинул штору, оглядел улицу, потом комнаты, мазнул глазами по мне.

– Значит так, – сказал он. – Касается всех! Отсюда ни шагу. На балкон не выходить, в окна не выглядывать, двери не открывать, гвалт не поднимать, про пьянки-гулянки забыть! Ясно?

– У тебя режим, как в СИЗО, – недовольно пробурчал Шрам.

– С этого, – кивнул Дед, игнорируя недовольство Шрама, – глаз не спускать. Возьми-ка, – бросил Пацану веревку.

Молодой завернул мне руки за спину и то ли от неумения, то ли от излишнего усердия так стянул кисти, что они мгновенно затекли.

– Потише бы! – попытался возразить я, и тут же получил не очень профессиональный, но достаточно болезненный удар по почкам.

– Потерпишь.

– Я-то потерплю, но что вы будете делать, когда у меня руки отпадут?

Дед пододвинулся ближе, глянул на мои кисти.

– Запомни, у тебя здесь голоса нет! Ты здесь немой! Понял? Если замечу, что ты с кем-то разговариваешь – вырежу язык, – и, отворачиваясь, неожиданно и сильно шлепнул меня по лицу тыльной стороной ладони.

Из разбитой губы брызнула кровь.

– Ослабь узел. Нам нужен не труп, а заложник, – приказал он Пацану. – Всем отдыхать. Большой на стреме.

С первой минуты нового заточения моя голова стала работать на побег. В этой схватке я проигрывал уже не зачет, не месяцы дополнительной службы, я проигрывал жизнь. Но и выигрыш был соответствующий! Тут хочешь не хочешь – заработаешь головой.

В принципе путей спасения было четыре: окна в комнатах и на кухне и входная дверь. К двери мне, конечно, приблизиться не дадут. Можно попытаться вывалиться в окно – разбежаться, прыгнуть, выбить корпусом стекло. Но что останется от меня после слепого падения с четвертого этажа? И что ждет меня внизу: бетонный козырек, броня асфальта, острый как штыки частокол ограды палисадника? Знать бы. Нет, такой путь оставим на самый крайний случай. Спастись для того, чтобы всю оставшуюся жизнь пролежать в гипсе – сомнительное счастье.

Вернемся к двери. Открывается она внутрь, значит одним ударом ее не выбить. Замок запирается ключом, быстродействующей защелки нет. Нейтрализовать четырех здоровых мужиков, чтобы иметь время провозиться с запорами, вряд ли удастся. Это не гангстерский боевик. Пока занимаешься с двумя, третий всадит меж лопаток нож. А есть еще и четвертый, и пятый – хозяин квартиры. Голыми руками здесь не обойтись. Ладно, проехали. Что толку мысленно размахивать кулаками, когда они за спиной перекручены веревкой? Разделим проблему на составляющие. Вначале руки, потом двери, окна и все прочее. Освободить руки – вот первоочередная задача, за нее и будем воевать.

– Эй, на вышке! Мне до ветру надо, – окликнул я своего круглосуточного охранника.

– Чево тебе? – повернул голову в мою сторону Пацан.

– На парашу веди, говорю. Терпежу нет.

– Ничего, перетопчешься. Нанялся я с тобой в сортир бегать!

– Я терпеть не буду! Мне в этой компании стесняться не перед кем, – предупредил я. – А понравиться ли твоим дружкам жить в одном помещении с моими обгаженными штанами, я не знаю.

Я специально злил Пацана, заставляя его делать то, что он делать не желал, унижая его самолюбие, указывая на отведенное ему в иерархии банды сомнительное место то ли надзирателя, то ли мальчика-служки.

– Ты давай шустрей думай, а то как бы мои кишки не обогнали твои извилины!

– Ладно, вставай.

В коридоре я продолжал давать наставления:

– Ты, парень, не злись. Твое дело маленькое… если у меня маленькое. Мне в сортир ходить, тебе – меня водить. Ты моя сортирная приставка. А вот это ты зря, – охнул я, получив удар под ребра. – Я вот обижусь и никуда не пойду. Что тогда? Я белье стирать не стану, у меня руки связаны. Твои начальники тоже. Заставят тебя дерьмо отскребать. А это дело для будущего воровского авторитета несмываемое… – Опять удар. – Что же ты так неловко руками размахиваешь? Опять меня задел.

Слабость Пацана заключалась в его желании быть сильным. Окружающий мир он воспринимал сквозь призму больного подросткового самолюбия. Каждый поступок он оценивал с точки зрения его демонстративной престижности. Добавляет он ему авторитета или нет. Вот на этой струнке больного самолюбия и надлежало мне играть марш свободы. Какое дело было бы уверенному в себе бандиту до оскорблений, которые бормочет в его адрес пленник? Ведь он почти

труп. Как можно обижаться на труп, на, считай, неодушевленный предмет? Можно обижаться на шкаф? А на потолок, пол? А этот обижается, негодует, расстраивается.

Злись, Пацан. Разгорайся. Молоти меня почем зря. Каждый твой удар несет не боль – надежду. Чем меньше ты контролируешь эмоции, тем легче тобой управлять.

В туалете Пацана ждал еще один, сокрушительный удар по самолюбию.

– Штаны сними, – потребовал я.

– Что-о? – на мгновение опешил Пацан.

– Я говорю: штаны сними и вон ту бумажку помни как следует. Готовься, готовься, мне самому не справиться, – распорядился я, нагло ухмыляясь в лицо своему надзирателю и, естественно, получил то, чего добивался – сильный удар в челюсть.

Падал я по заранее обдуманной траектории, собирая на своем пути все самые громкие предметы. Звон и грохот банок, стаканов и рухнувших полок был слышен, наверное, по всему дому. Через мгновение все «жильцы» квартиры теснились в дверях.

– Вы что? С ума съехали?

– Он, он, он… – бормотал Пацан, не в силах подобрать достойные эпитеты. – Гад! Сука! Он…

– Я только просил помочь мне снять штаны, – кивнул я на свои связанные руки.

– Гнида! Я ему штаны?! Никогда! – бесновался Пацан. – Никогда! Чтоб я сдох!

Психологическая подготовка дала прекрасные результаты. Сейчас его уязвленное самолюбие перевесило даже страх перед главарем банды. В данное мгновение Пацан предпочел бы получить нож в живот, чем притронуться к ремню моих штанов.

Наверное, Дед понял это.

– Ладно, свяжи ему руки впереди, – разрешил он, не желая вступать в длинные дискуссии. – Но если еще будет шум, пеняйте на себя. Оба!

Что и требовалось доказать.

Связанные впереди руки давали мне больше свободы. Я круто изменил отношения с Пацаном – перестал «дразниться» и всячески старался облегчить его неблагодарную службу. Если вдуматься, то охранник не меньше зависим от заключенного, чем заключенный от охранника. Кому из этого дуэта легче, еще нужно поглядеть. Утомительно высиживать свой срок, но не менее трудно наблюдать неподвижно сидящего человека сутки напролет. Уже через двадцать-тридцать минут кажется, что ты знаешь его как облупленного, и приходит скука. Кто способен выдержать многочасовой спектакль, не имеющий сюжета, диалогов, действия и не ослабить внимания? Кто угодно. Только не Пацан.

Я молча лежал в отведенном мне углу, упираясь лбом в стенку. Я не отвечал на вопросы и даже не огрызался на удары. Лежал! Всё чаще Пацан отрывал от меня взгляд, от нечего делать наблюдая сквозь щель в шторе за улицей, оставлял одного, выходя на кухню и в туалет. Выходил он все чаще и задерживался все дольше. И каждый раз, возвращаясь, заставал меня все в той же позе.

Пацан не догадывался, что в эти короткие секунды свободы я, мгновенно поднявшись на колени, успевал обшарить очередные десять или двенадцать квадратных сантиметров комнаты. Подобные экспедиции почти всегда приносили результат. Я спрятал в тайничок под плинтусом половинку бритвенного лезвия, пятак, огрызок карандаша, два пятнадцати и десятисантиметровых гвоздя, вытащенных из стены, полиэтиленовый пакет, несколько окурков с остатками табака. В сравнении с каким-нибудь узником замка Иф я был богачом!

Иногда Пацана сменял кто-нибудь из его коллег.

– Всё так же лежит? – спрашивали они.

– Как мешок с дерьмом, – подтверждал Пацан.

– Смотри-ка, сомлел. А поначалу шустрый был! Ладно, пусть валяется, нам забот меньше. Лишь бы не помер до срока.

Так проходили дни. Скучно, до зевоты для моих охранников и крайне напряженно для меня. Я узнавал своих врагов, предполагал что от кого можно ожидать.

Я до миллиметра изучил пространство своей «камеры» и мог передвигаться там с закрытыми глазами, на все сто процентов используя в рукопашной драке стратегическое преимущество ниш, «высоток» и проемов мебели. Наконец я вооружился остро заточенными гвоздями. Один, побольше, я превратил в кинжал, соорудив из куска ткани, плотно намотанной вокруг шляпки, упор для ладони. Другой, поменьше, при необходимости в секунду вставлялся в носок ботинка в заранее просверленное отверстие. Теперь всякий удар ногой в жизненно важный центр мог быть смертельным для моего противника.

За неделю я подробно разработал и безоговорочно отверг десяток версий побега.

С помощью огрызка лезвия я бесшумно убирал Пацана, выскакивал в освещенный коридор, ударом ноги обезвреживал сторожа, постоянно сидящего ночами в кресле возле входной двери. Но дальше я увязал в незнакомых замках и принимал на себя удар остальных членов банды. Я не успевал какие-то секунды, но все же не успевал!

Я вышибал стульями стекла окон и, отбиваясь от наседавших врагов, звал на помощь прохожих. Но всегда нож настигал меня раньше, чем приходила помощь.

Я зависал на высоте четвертого этажа на веревках, сплетенных из штор и моей и охранника одежды. Но каждый раз кто-то успевал перерезать спасительный канат до того, как мои ноги достигали земли.

Наконец в отчаянии я выпускал на кухне газ и, запалив образовавшуюся гремучую смесь, уходил в дыму и грохоте взрыва.

Я снова и снова перебирал планы побега и все они, в конечном итоге, оказывались несостоятельными. Все мои планы зависели от случайности и все упирались в изначально порочные четыре пути спасения – входную дверь и окна. Нужно было придумать нестандартный ход, такой, о котором не могли догадаться мои надзиратели. Нужно было! Хоть башку о стену разбей!

О стену… Так появился еще один неожиданный план.

«Что такое тюрьма, – подумал я, – что удерживает меня в ней? В первую очередь стены. Что такое стены? Лишь кирпичи, соединенные цементным раствором. Значит, чтобы обрести свободу, надо снова разъединить их. Всего-то! Буду уходить сквозь стену! Жилой дом не каземат старинного замка. Стены в два кирпича наспех соединены сомнительного качества раствором. Здесь не требуются годы самоотверженной работы, чтобы прорезать щель, достаточную для того, чтобы протиснуться в нее».

Ковырять штукатурку в комнате я не мог – слишком заметно. Туалет часто посещался. Более всего подходила ванная. Определилась новая задача – попасть в ванную комнату!

В третий раз я сломал линию поведения.

Между тем в банде наметился психологический надлом.

– Сколько можно сидеть, как тараканы в щели? – возмущался Шрам. – Пора уходить из города.

– Без денег, без документов? Нас возьмет первый постовой, – возражал Бугай.

– Один хрен где сидеть. Здесь или в зоне. Там хоть срок уменьшается. Надо уходить! Кто не рискует…

– Я сказал – ждать! – осаживал спорящих Дед.

– Чего ждать? Когда на нас настучат соседи? Когда сюда случайно забредет участковый? Чего?

– Время придет – узнаешь! А пока ждать! – твердо настаивал Дед.

Шрам ворчал, огрызался, но подчинялся. Пока подчинялся!

Через три дня ожидание закончилось и стало ясно, чего ждал Дед.

– Ствол! – ахнул Шрам.

– Ствол! – подтвердил Дед, крутнув барабан нагана. – И еще вот это. – И он вытащил из сумки, только что принесенной хозяином квартиры, обрез винтовки.

– Винтарь!

– Всё, парень, хана тебе, – хохотнул Пацан, уставил мне в лоб вытянутый указательный палец, щелкнул большим. – Бах! И в дамках!

Теперь все мои планы, предусматривающие вооруженное сопротивление безоговорочно исключались. С заточенным гвоздем против двух стволов не навоюешь. Оставалась только стена.

Скоро по многозначительным намекам Пацана и ухваченным обрывкам фраз я понял, что банда готовит нападение на машину инкассы. Нет, они решили не просто уходить из города, они решили прихватить изрядный куш. И снова я должен был выступить в роли буфера.

В любом случае, выиграют они или проиграют, меня ожидала пуля, милицейская ли, бандитская ли – не суть важно. Вряд ли после дела преступники будут церемониться с опасным свидетелем. Уход на дно не терпит посторонних глаз. Выходит, отпущенного мне времени оставалось всего ничего! Пора было форсировать события.

Я прекратил свое добровольное заточение, вылез из угла, стал, несмотря на предупреждения и тычки, расползаться по комнате. Один раз Пацан застал меня возле двери, другой у окна.

– Тебе кто разрешил? Сволочь! – возмутился он.

– Дайте воздухом подышать! Сил больше нет! Не могу, – захныкал я. – Лучше убейте!

– Убьем, не расстраивайся, – успокоил, как умел, Пацан.

– Ну, давай! Убивай! Давай! – Я изобразил истерику и даже, для пущей убедительности, слезу пустил. В учебке, на актерском мастерстве нас гоняли почище, чем студентов театральных училищ.

– В искусстве ошибка простительна. Ну, провалишь ты спектакль. Ну, лишишься роли, премии. Ну, наконец, вылетишь из театра и пойдешь служить в сантехники. Не смертельно. Актерская ошибка в нашем деле чревата провалом! Любая фальшь может оказаться последней в твоей жизни, – наставлял нас инструктор по актерскому мастерству. – Повторять ужимки великих премьеров – значит быть паршивым актером. Вашей игрой не должны восхищаться восторженные поклонницы, ее просто не должны замечать! Вот главный и единственный критерий вашего профессионального умения. Вы должны раствориться, умереть в играемом образе или… умереть.

Я не хотел умирать, и я играл натурально, и натуральные слезы катились по моим щекам.

– Я не могу! Я не хочу! – кричал я, пытаясь приблизиться к окну.

Дед быстро оценил потенциальную опасность, исходящую от впавшего в истерику узника, – его уже не уговорить, не запугать расправой, не остановить надолго угрозой боли. Взорвавшиеся эмоции не воспринимают ни логику, ни угрозу. Истерика нужно либо убить, либо надежно изолировать. Убийство накануне операции, где мне было отведено определенное место, не входило в планы бандита. И, значит, меня надо было изолировать.

– Заткните ему рот и оттащите в ванную, – приказал Дед.

Рот мне профессионально заткнул Бугай. После короткого удара ребром ладони по горлу я не мог без боли не то что крикнуть, но даже сглотнуть слюну. Но главная цель, ради которой я затеял весь этот спектакль, была достигнута. Словно куль с картошкой, меня бросили на цементный пол ванной и закрыли дверь на задвижку.

– Если еще захочешь поплакать – зови меня, – предложил услуги Бугай. – Я помогу.

Наконец я оказался предоставлен самому себе. Новая тюрьма не столько изолировала меня, сколько защищала от назойливого общества соглядатаев. Впервые за много дней я мог расслабиться и позволить себе быть таким, каков я есть, а не каким надлежит казаться в данную минуту. Я сидел в полумраке ванной комнаты и наслаждался покоем. Оказывается, я очень устал от своей «спокойной» жизни.

Но долго расслабляться я себе позволить не мог. Вечером я начал работу. Отодвинув большое зеркало, висящее рядом с умывальником, я провел разметку, пробуравив тонким гвоздем в штукатурке несколько пробных «шурфов» – тонких, почти не видимых глазу отверстий. Наткнулся на растворный шов, двинулся по нему вправо и влево, постепенно обрисовывая прямоугольник кирпича. С него мне и надлежало начинать. Если вытащить один кирпич, с остальными будет справиться гораздо легче.

Затем я подготовил рабочее место: с помощью тонкой нити, вынутой из одежды, закрепил в косом положении зеркало, расстелил на полу раскрытый полиэтиленовый мешок, предназначенный для сбора отработанной породы, из случайной тряпки и куска картона сделал импровизированные метелку и совок. Несколько раз отрепетировал свои действия на случай опасности. На то, чтобы подойти к ванной, раскрыть щеколду и распахнуть дверь любому, даже самому быстрому человеку, потребуется не меньше пяти секунд. Одна секунда резерв. Ее задействовать нельзя. Остается четыре. За четыре секунды я должен успеть убрать все следы своей работы и принять привычный глазу моих охранников вид. При всем при том сделать это я должен совершенно бесшумно!

Попробуем. Раз – сдвинуть головой зеркало, порвать фиксирующую нить, придержать качнувшееся зеркало правым плечом. Два – одновременно с этим свернуть полиэтиленовый мешок, сунуть его в рукав, сдуть случайную штукатурную пыль. Три – развернуться, навалиться спиной на покачивающееся зеркало. Четыре – расслабить мышцы лица, изображая заспанного «тюфяка», коего и ожидает увидеть входящий в ванную охранник. Десятки раз я повторил свои действия, пока смог уложиться в отведенные собой же нормативы. Раз-два-три-четыре и, как говорится, дело в шляпе – пол чистый, узник спит!

Глубокой ночью, прислушиваясь к тишине в квартире, нарушаемой лишь храпом дверного сторожа, я начал скоблить стену импровизированным инструментом. Работал наощупь, по заранее намеченным отверстиям. Вперед-назад, вперед-назад вытачивая крупинки штукатурки, выбрасывая отработанную породу (и чтоб пылинки не уронить!) в сливное отверстие раковины. В перерывах между «скоблёжками» я качал мышцы. Теперь, как никогда, мне нужно было поддерживать спортивную форму. Многодневная пассивная лёжка не прошла даром – появилась мускульная вялость, уменьшилась мышечная реакция. Я отжимался от пола, нагружал пресс, поочередно напрягая и ослабляя другие группы мышц. До усталости, до пота, но тихо, словно не работал, а спал.

К утру, когда слабый свет стал просачиваться сквозь небольшое окно, соединяющее кухню с ванной, кирпич уже «дышал». Когда обитатели конспиративной квартиры стали пробуждаться, я уже крепко спал.

– Ленив ты, братец! Спишь больше меня, а работать не работаешь, – ворчал Бугай, отодвигая меня ногой в сторону от умывальника.

Бугай чистил зубы, брился, рассматривал себя в зеркало, за которым, в двадцати сантиметрах от его носа, было начало спасительного хода.

– Ну будь, доходяга, – прощался Бугай, на выходе «случайно», цепляя меня ногой.

Потом приходил Дед, внимательно осматривал ванную, меня и тоже мылся-брился, глядя в зеркало. И отделяло его от великой моей тайны всего два миллиметра посеребренного стекла!

– Претензии к режиму есть? – лениво спрашивал Дед.

– Еда, – жаловался я.

Кормили меня отвратительно, отбросами с «барского» стола. Когда они были.

– Не дом отдыха, – рассудительно объяснял Дед, зевал и, собрав в тряпицу весь мусор до последней ломаной зубочистки, уходил.

Я вздыхал облегченно. Для реализуемой мною операции Дед представлял наибольшую угрозу. В отличие от остальных, он умел замечать детали. Любой его взгляд, зацепившийся за случайный огрызок штукатурки, мог привести к провалу.

Переждав всех, я снова погружался в дремоту, готовясь к очередной бессонной ночи.

К следующему утру я вытащил первый кирпич и наполовину высвободил второй. Третья ночь добавила еще три. Кирпичи внутренней кладки я выточил наполовину с тем, чтобы соседи за стеной ничего не заметили. Единственное, что я себе позволил, – три тонких, игольных, сквозных отверстия. Днем, быстро поднырнув под зеркало и сложив ладони «рупором», я заглянул в темноту. Тонкие, почти микроскопические отверстия сочились светом. Отлично! Значит, с той стороны нет стенных шкафов и декоративных панелей. Путь свободен. До возможного побега осталось от силы две-три ночи!

Пора было продумать детали побега. Итак: ночью аккуратно вынуть кирпичи, пролезть в соседскую ванну, открыть дверь, бесшумно, чтобы не разбудить спящих жильцов, пройти по коридору, тихо отпереть замки. Если дверь в ванной закрыта на защелку, то ее придется выбить и по коридору уже не красться, а быстро бежать, опережая поднимающуюся панику. Ничего сложного. План почти на сто процентов гарантировал успех.

Но что-то меня останавливало от такого ухода. Что-то заставляло тянуть время. Что? Характер моих вынужденных приятелей! Хладнокровная изобретательность Деда, абсолютная подчиняемость Бугая, возрастная истеричность Пацана, болезненное самолюбие Шрама и… два ствола. Два ствола, которые непременно выстрелят. В людей. В том, что Дед не оставит своих замыслов, я не сомневался. Более того, мой побег подтолкнет его к действиям. И чем меньше они будут подготовлены, тем больше будет крови. Я стану косвенным виновником лишних жертв. Стану соучастником преступления!

Чувствуя, что делаю что-то не то, я закрепил кирпичи с помощью деревянных клинышков, выструганных из рейки, оторванной с задней стороны зеркала, замазал щели раствором, смешанным из штукатурной пыли, зубной пасты и собственного, извините, продукта пищеварения. Теперь при беглом осмотре «подкоп» обнаружить сложно.

Я нарушил все писанные учебкой правила! Согласно ее заповедям я должен был решать только и исключительно поставленную передо мной задачу. Всё остальное не имело значения и фактически являлось прямым нарушением приказа, со всеми вытекающими… Нас учили не обращать внимания на попутные преступления ни свои, ни чужие. Но, наверное, я был плохим учеником. Я решился на запретное – вмешаться в готовящееся преступление. Я слишком хорошо узнал этих людей, чтобы просто «умыть руки».

Неясно было только, как это сделать. Что может предпринять закрытый в глухой ванной комнате пленник со связанными руками? Один против пяти вооруженных мужиков? Нет, без помощи извне мне обойтись невозможно. Но столь же невозможно навести на квартиру, пребывая в этом каменном мешке. Как подать сигнал? Как сообщить, что в этой, на первый взгляд обычной квартире скрываются бандиты? Выстучать сообщение азбукой Морзе в стену или батарею? Но, даже если мои надзиратели ничего не услышат, где гарантия, что в доме обитает радист-профессионал, способный в наборе бессмысленных стуков разобрать здравую мысль? Прибегут раздраженные соседи, спросят: «Какого черта! Кто стучит ночами, не дает заслуженного покоя жильцам!» – и всё, прощай свобода, если не сама жизнь.

Как еще можно подать сигнал? Бросить на улицу записку? На кухне постоянно открыта форточка, но до нее не добраться. Да и где гарантия, что кто-то обратит внимание на клочок бумажки, валяющийся на асфальте? Кстати, не далее чем до первого выхода дворника. А дворник читать мусор не приучен, он его метет.

Значит, надо сделать так, чтобы эту бумажку миновать было нельзя. А мимо какой бумажки человек не пройдет равнодушно? Точно, мимо денежной бумажки с водяными знаками! Значит, одна проблема решаема. Как решить другую – выбросить ее на улицу? Приколоть на манер репья к пиджаку часто выходящего на улицу хозяина квартиры? Подбросить в мусорное ведро? Все не то. Не то! Скатать в шарик и бросить в форточку? Не добросить? И не попасть? И кто опознает в плотном комке бумаги денежную купюру? Нет, ни добросить, ни попасть, ни опознать!

Добросить нельзя, а дострелить можно, – подсказала детская память решение. Вспомни, как лихо летали по классу бумажные пульки, как метко находили они чужие уши. Пожалуй, это выход!

Достать подходящую купюру труда не составило. В первый же визит хозяина квартиры (для досье просто Хозяин) в ванну, а наличные деньги были только у него и Деда: я, лежа под раковиной, вытянул у него из кармана четвертной. Поперек билета найденным раньше карандашом написал: «Срочно сообщите в милицию! В квартире на четвертом этаже скрываются преступники, бежавшие из КПЗ ж/д вокзала!!!» Деньги я скатал в плотную трубочку, постаравшись, чтобы самые узнаваемые элементы рисунка оказались снаружи. Трубочку переломил пополам, получив отличную «пульку». Резину я вытянул из белья, на концах ее сделал петельки под пальцы. Теперь оставалось попасть на кухню и в форточку.

В очередной банный день, когда меня выставляли в коридор, я, на мгновение задержавшись в проеме кухонной двери, вытянул рогатку, зажав пульку в зубах и возможно шире разведя указательные пальцы связанных рук, прицелился и выстрелил. Пулька, прожужжав, ушла в распахнутую форточку. Сидящий ко мне спиной Шрам приподнял голову, услышав странный звук, но ничего не понял. Я тихо шагнул в сумерки коридора. Первая записка ушла.

Но должна, обязательно должна была быть вторая. Слишком мало шансов, что пулька попадет на пешеходную дорожку, а не, например, в траву, что ее заметят и что, наконец, ее примут всерьез. Конечно, можно было запустить десять или двадцать записок, но такую интенсивную стрельбу дензнаками вряд ли выдержит хозяйский кошелек. Надо было искать другой путь.

Запустить через вентиляционное отверстие столб дыма? Вдруг доблестные пожарники приедут и разгонят своими брандспойтами осиное гнездо! Закоротить электропроводку? Нет, всё не то! Залить нижних соседей? Засорить канализацию? Стоп! В этом что-то есть! Допустим, колтун забивает канализационную трубу, на нижних этажах вода хлещет через край, вызывают слесарей, те чистят трубы и… обнаруживают записку! Отлично! Но как добиться, чтобы слесари не пропустили в куче самих отходов золотую крупинку информации? А вот и ответ – она должна быть зо-ло-той! Золотых колец, бриллиантовых подвесок, серебряных портсигаров у меня нет. Деньги не подходят – размокнут. Что еще может привлечь внимание алчного человека? Монеты? Ключи? Часы? Часы! Блестящие, не растворяющиеся в воде часы! Вот что мне нужно. А взять я их попробую у…

Я стал наблюдать за руками бандитов. Пацан был пуст. Хозяин имел большие карманные. Дед – слишком опасно. Пожалуй, Шрам. В очередной поход Шрама в

ванную я попросил его помочь мне подняться. В повороте я очень сознательно и очень болезненно наступил ему на ногу, отвлек тем внимание и быстро расстегнув ремешок, снял часы. Спасибо, Михалыч, за науку!

Обидевшийся Шрам болезненным толчком отбросил меня к стене и, выругавшись, вышел из ванной.

Ночью из куска половой тряпки и подкладки собственного пиджака я соорудил замечательную канализационную пробку. К ней прочной веревкой, сплетенной из распоротого лезвием носка, привязал часы, к ним, в свою очередь, записку, засунутую в полиэтиленовый мешок. Снасть получилась отличная: пробка-грузило, веревка-леска, часы-блесна. Не могли слесари не клюнуть на такую наживку! Осталось закинуть удочку и ждать улов.

Днем, ссылаясь на немочь живота, я пробрался в туалет, засучил зубами рукава, как можно глубже затолкал пробку внутрь, к сливу, протолкнул проволокой, отломанной от ванного заземления, и три раза слил воду.

– Жрать не жрет, а с горшка не слазит! – удивился Пацан. – Камень что ли грызет?

– Грызу! – честно признался я.

К вечеру Шрам хватился часов.

– Странно, куда они могли деться? – удивлялся он, осматривая квартиру, ощупывая карманы и подкладку пиджака.

– Когда ты их в последний раз видел? – спрашивал Дед.

– Утром. Или в обед? Нет, утром. Точно!

– Не нравится мне всё это, – мрачнел Дед. – Четвертной пропал, как в воду канул, теперь часы. Что-то здесь не то! Вспоминай!

– Утром проснулся, покурил, в туалет сходил, в ванную, поел… Черт, не представляю!

– Всем собраться на кухне! – приказал Дед. – Вот что, родные, – начал он. – Я не люблю случайностей, особенно повторяющихся два раза подряд! Ладно, четвертной отнесем за счет игры фортуны. Но часы? Это не тонюсенькая бумажка, которую выронить и не заметить не мудрено. Боюсь, кто-то здесь играет в паре с нечистым. И играет краплеными картами! Если сейчас не предпринять энергичных мер, начнут пропадать револьверы.

– Ты подозреваешь кого-то из нас? – вскипел Шрам.

– Я подозреваю всех, кроме себя, – ответил Дед. – Значит так, ребята, сейчас мы, не откладывая и не покидая по одному это помещение, проведем грандиозный шмон. Потом осмотрим квартиру. И если, не дай бог, у кого-то отыщем пропажу или найдем тайник!..

Сидя в ванной и слыша практически весь разговор, я покрылся холодной испариной испуга. Вначале они быстро обшарят квартиру, потом придут в ванную, приподнимут зеркало и увидят следы моего пролома. А ведь есть еще тайник с гвоздями! Доигрался миротворец! Делу не помог и себя подставил! Нет, шмона в ванной быть не должно! Нельзя этого допустить! Ни в коем случае!

Я стал лихорадочно думать, что предпринять. На кухне в это время шел личный досмотр. Бандиты, хоть и были недовольны, подчинились. Авторитет Деда был непререкаем, а вещи действительно пропали. Куда?

Обыск, благодаря частому пребыванию квартирантов в определенного рода местах, шел на высоком профессиональном уровне. Как с ними, так и они. Одежда, кухонная мебель, комнаты… Постепенно очередь добиралась до ванной. Весь в напряжении я ждал, когда распахнется дверь. Вот оно! Звякнула защелка, просунулась голова Пацана. За ним стоял хозяин квартиры. Похоже, обыск вели по двое, чтобы контролировать друг друга. Мудро!

– Этого осмотреть? – спросил Пацан.

– Это-то дерьмо со связанными руками при чем? – донесся голос Шрама. – Он целыми днями в ванной сидит.

– Я сам гляну. А ты пока помещение осмотри! – крикнул Дед.

Наверняка он шел следом и перепроверял результаты осмотра. Тщательно чесала Дедова гребенка!

Пожалуй, пора! Я вытащил из разреза пиджака обломок бритвенного лезвия. Пацан под присмотром Хозяина нагнулся, заглянул, засунул руки под ванну, по сантиметру ощупал пол, осмотрел краны, простукал настенную плитку, перешел к раковине, взглянул на зеркало, прикидывая как его сподручнее снять, тронул рукой.

Всё, дольше тянуть нельзя!

Я слабо застонал, пошевелился. Пацан повернулся, заметил ползущую из-под меня черную струйку крови, ахнул, отдернул руку от зеркала (слава богу!), бросился в коридор.

– Придурок вены вскрыл!

Почти сразу же в ванную вбежал Дед.

– Что же ты сделал, родной? Что ж натворил?! Сволочь такая! – причитал дед, разворачивая меня лицом вверх, закатывая рукава, осматривая рану.

Порез был пустяковый, но кровавый. Дед перетянул мне ремнем руку выше раны, намотал бинт.

– Что ж ты торопишься умереть раньше времени? Ну-ка, притащите ему валерьянки!

– Нет у меня валерьянки, – ответил Хозяин.

– Тогда водки! Быстрее!

Дед сразу же нашел оставленное мною на видном месте лезвие.

– Где взял, гаденыш? – И, не дожидаясь моего ответа, заорал: – Я же сто раз предупреждал – всё убирать после бритья! Всё! Один ублюдок потерял, другой

нашел!

Принесли водку. Дед насильно влил мне в рот два стакана и, увидев, как у меня поплыли глаза, оставил в покое.

– Вы ванную хоть осмотрели? – спросил он.

Пацан и Хозяин усердно закивали.

– Смотрите, проверю, – пригрозил пальцем Дед.

Я облегчённо вздохнул. Шмон был закончен. Новое, более чрезвычайное событие – попытка самоубийства, закрыло прежнее.

– Кончить бы этого неврастеника и все дела. Чего мы чикаемся, водку переводим. Зачем он нам нужен?

– Значит, нужен. Тебя не спросили!

Слышал я бубнящие голоса из кухни, прерываемые бульканьем разливаемой водки.

– Кончить не сложно – чик и готово. А куда труп девать? В мусорное ведро? Куда от вони деться?

– Пора вылезать из берлоги. Пора! Пока с ума не посходили…

Говорили еще долго и о разном. Но окончательную точку поставил Дед.

– Часы мы, увы, не нашли. Будем надеяться, что это была досадная случайность. А если нет, злоумышленник, думаю, все понял. Операцию форсируем, далее откладывать нельзя, а то мы тут все перегрыземся. С самоубийцы впредь глаз не спускать. Дверь в ванную не запирать. Оружие будет храниться у меня и у Вольного. Сегодняшнее застолье было первым и последним. Всё!

Утром следующего дня отключили воду.

– Прорвало канализацию, затопило первый этаж, – объяснил Хозяин, поговорив с соседями по подъезду. – Воду включат не раньше завтрашнего утра.

– Вот суки! – возмутился Шрам, отходя с пустой кружкой от сухого крана. – А на заборах пишут «Всё для человека, всё во имя человека!» А тому человеку от сушняка хоть давись!

Сидя в ванной под присмотром Бугая, я изводил себя догадками. Сработало или нет? Нашли записку или просмотрели? В любом случае надо быть готовым к неожиданностям. Вдруг сантехники оказались болтунами и скоро по дому пойдет слушок, мол, вытащили, а там часы с запиской: «Пишу с бандитской малины. Спасите! А то убьют!» А малина-то в нашем доме! Вот такие дела…

Что бы ни было, нарыв, похоже, созрел! Куда он прорвется, внутрь или наружу, можно только гадать. Но что прорвется в самое ближайшее время сомнений не вызывает!

День, при всей его внешней похожести на предыдущие, прошел напряженно. Я, навострив уши, слушал улицу, прокручивал свои действия во всех возможных и невозможных случаях, усыплял внимание охранника своей безразличной пассивностью.

Словно что-то чувствуя, ходил по квартире, часто заглядывая в ванную, Дед. Он явно нервничал, но, как видно, не мог вычислить причину своей тревоги. Она была за пределами прямой логики. Он просто ощущал опасность, как волк, как медведь в обложенной берлоге, хотя самой угрозы еще не видел.

Днем в квартиру кто-то позвонил. Я напрягся, затаил дыхание. Похоже, началось! Бандиты, приготовив оружие, бесшумно пробежали в коридор, за ними потянулся Бугай. Я встал на колени, приготовившись к действию.

Мимо! Кто-то перепутал номер квартиры. Я расслабился, осел на пол.

– Ты где должен быть? – недовольно спрашивал Дед Бугая.

– В ванной.

– Какого же рожна ты торчишь здесь?

– Так ведь…

– Так ведь… – передразнил Дед. – Знай свое место и не рыпайся. Надо будет – позовут! – Повисло напряженное ожидание.

К полудню следующего дня во дворе загудели машины.

– Опять аварийная, – сказал Хозяин, выглянув в окно, – две машины.

– Поганая у тебя хата. Сплошные аварии! – сказал Шрам.

Снова позвонили в дверь.

– Кто там? – спросил Хозяин.

– Сантехник. Откройте. Мне смеситель сменить надо.

– Не нравится мне этот сантехник, – прошептал Дед. – Не открывай!

– Я никого не вызывал. Уходите! – крикнул через дверь Хозяин.

– Откройте! – настаивал сантехник. – У меня наряд! – И сильно забарабанил в дверь.

– Какого хрена смеситель, когда вентили не перекрыты! – ахнул Дед. – Мусора это! – Выхватив наган, он рванулся к окну. – Аварийщики?! Кретин! Когда это аварийщики приезжали на двух машинах? И зачем они вообще приехали, если вода из кранов идет? Всем по местам!

– Открывайте, милиция! – крикнули из-за двери.

– Козлы позорные! – истерично закричал Шрам и выбежал из кухни, сжимая в руке большой столовый нож.

Бугай секунду стоял в замешательстве, потом потащил из-за пояса обрез. Этот так просто себя не сдаст! Прихватит с собой одну-две милицейские жизни. Бугай передернул затвор, дослал в ствол патрон.

И снова, подчиняясь минутной эмоции, я нарушил все возможные инструкции.

– Не уйдешь, сволочь! – произнес я вслух какую-то совершенно идиотскую, совершенно кинематографическую фразу.

– Чего? – автоматически спросил Бугай и повернулся ко мне.

– Сзади! – резко крикнул я, не давая ему опомниться.

Бугай резко повернул голову и тут же получил удар ногой в пах. Другой ногой я мгновенно ударил снизу по руке, удерживая обрез. Винтовка оглушительно бухнула, пуля ударила в стену, осыпая меня осколками керамической плитки.

– Ты?! – удивился Бугай, держась за низ живота. – Гад!!! – И стал медленно выпрямляться.

Но я уже стоял на ногах. Следующим ударом я выбил Бугая в коридор, сыпанул в лицо горсть сухого табаку, собранного из найденных окурков сигарет, быстро отошел, закрыл, запер на щеколду дверь.

Пока Бугай очухается, пока протрет глаза, пока поднимется, пока откроет дверь в ванную, пройдет не меньше полминуты. К тому времени милиция высадит входную дверь, тем или иным способом утихомирит бандитов и, двигаясь по коридору, наткнется на Бугая. На него у них уйдет опять-таки не меньше двадцати пяти – тридцати секунд, парень он здоровый и запросто его не скрутишь, придется повозиться. Таким образом, получается, что мне обеспечена минута спокойной жизни. Милиция нейтрализует угрозу, исходящую от Бугая. Пока последний вскроет ванную дверь, пока сообразят что к чему, пройдет еще несколько секунд.

На все эти математические выкладки у меня ушло ровно столько времени, сколько потребовалось на то, чтобы сорвать со стены зеркало. Я отступил к двери, сделал шаг, прыгнул и с лету, двумя ногами ударил в расшатанную стену.

Кирпичи с грохотом вывалились наружу. Еще одним сильным ударом я расчистил образовавшееся отверстие. Сзади часто загрохотали выстрелы – глухие милицейских «макаровых» и лающие дедовского нагана. Не раздумывая дальше, я вытянул руки и рыбкой нырнул в пролом.

В соседской ванной под душем, от изумления выпучив глаза и раскрыв рот, стоял голый мужчина. Широко и дружески улыбаясь, чтобы он не успел испугаться и приготовиться к защите, я поднялся и сказал: «С легким паром!». Связанными руками, не очень сильно, но так, чтобы выключить его на несколько минут, ударил в солнечное сплетение. Мужчина, так и не успев понять что произошло и откуда объявился этот улыбчивый гражданин, охнул, сел в ванну под струю горячей воды. Прихватив с полки безопасную бритву, я открыл щеколду, выскочил в коридор и сразу наткнулся взглядом на удивленные глаза высунувшейся из комнаты женщины. Теперь очень важно было не дать ей закричать, не позволить навлечь на меня милицию. Следовало незамедлительно придумать ей какое-то занятие. Человек, у которого появилась работа, обычно молчит.

– Скорее! – крикнул я. – Вашему мужу плохо! Ну же! Быстрее!

Словно завороженная, женщина повернулась к открытой двери в ванную комнату. В ванной она пусть кричит, причитает и зовет на помощь сколько угодно. На улице ее уже слышно не будет. А за мною, имея на руках раненого супруга, она не побежит. Две, а то и три минуты супруги будут заняты только собой, еще минуту активной и потому бестолковой помощью работникам милиции, появившимся в проломе. Этого времени мне хватит за глаза, чтобы навек покинуть эту квартиру, этот дом и даже улицу.

Выскочив в коридор, я на ходу сорвал с вешалки хозяйский плащ, набросил его на руки, чтобы скрыть веревки, открыл дверь и быстро, но без излишней торопливости, спустился по лестнице.

– Что там происходит? – поинтересовалась на третьем этаже какая-то пожилая женщина.

– Кино снимают, – ответил я первое, что взбрело в голову.

– Да вы что! – всплеснула руками женщина. – А я ничего не знаю!

На улицу я вышел очень спокойно. Возле соседнего подъезда, вплотную к выходу, стояли автомобили аварийной службы с распахнутыми дверями, чуть дальше замерли милицейские бобики. С верхнего этажа неслись крики, ударило несколько выстрелов.

– Вы куда? Сюда нельзя! – выставил руки мне навстречу молодой сержантик. – Проходите, не задерживайтесь!

С любопытством оглядываясь, что делал бы на моем месте любой случайный прохожий, я отступил вглубь двора и с большим удовольствием выполнил просьбу сержанта, то есть не стал задерживаться и прошел мимо. Обойдя дом, я прошагал несколько кварталов, зашел в первый же подъезд, где с помощью прихваченной из супружеской ванной бритвы срезал веревки на руках. Всё. Я свободен.

Накинув плащ, походкой скучающего человека я дошел до остановки, сел в трамвай и поехал, не важно куда, главное, подальше от места своего почти двухнедельного заточения.

Теперь мне нужно было уходить из города. Немедленно! Сейчас же! Но уходить без надежных документов было чрезвычайно опасно. После такой отчаянной стрельбы, устроенной бандитами, после двух моих побегов из отделения и из разгромленной «малины» моей личностью заинтересуются всерьез. Естественно, вокзалы, аэропорт, дороги будут перекрыты усиленными нарядами. А фотопортрет мой у них имеется. Проскочить будет очень непросто. Нет, без документов, а лучше нескольких документов на разные фамилии, не обойтись. И чем раньше я их раздобуду, тем лучше. Время работает против меня. Каждую новую минуту щели из города будут затягиваться все плотнее. Надо действовать, пока органы еще не очухались.

Снова толкаться в почтовых отделениях или кассах было опасно, к тому же там можно выудить паспорт, а мне желательны были и другие документы. Пожалуй, стоит рискнуть.

– Бабушка, где здесь военкомат? – спросил я первую попавшуюся на пути прохожую. – Спасибо, бабуля. Дай бог тебе здоровья.

«А мне удачи», – это я уже подумал. Без удачи в задуманной мною операции было нельзя!

В военкомате в коридорах, на лестницах, у дверей кабинетов толпами ходили молодые ребята-допризывники. Легко затерявшись в этом бедламе, я обошел военкомат, намечая тактику действия, привязываясь к местности. Конечно план мой был чистой воды авантюрой, но в случае успеха обещал хорошие дивиденды. А провала после того, как полмесяца походил под бандитскими дулами, я уже не боялся. Хуже уже не будет.

В туалете, запершись в кабинке, я, как мог, привел в порядок одежду, побрился всё той же, прихваченной из ванной бритвой. Выйдя, оглядел себя в зеркало, подвигался, поиграл мимикой. Не самый лучший вариант, ну да ничего, авось проскочим. В конце концов, районный военкомат не МХАТ, ценителей актерского мастерства здесь не так густо.

Из туалета очень уверенным шагом я прошел по коридору. Мои деловая целеустремленная походка, спокойное лицо выгодно должны были выделяться на фоне общей неразберихи и нервозно-растерянного ожидания.

– Уберите ноги из прохода! – строго велел я, проходя мимо развалившегося на стуле призывника.

Тот недоуменно подтянул колени:

– Подумаешь.

Не замедляя движения, я прошествовал в конец коридора, открыл первую попавшуюся дверь. В мгновение, пока дверь крутилась на петлях, я, прикрытый ее непроницаемой броней, стер с лица уверенно-надменное выражение и нарисовал растерянно-искательное.

– Простите, пожалуйста, – извинился я, – у вас не отыщется чистого листка бумаги? – обратился я к женщине, сидящей за ближайшим столом. – А еще один? Очень надо.

– Кто вам позволил войти сюда без вызова?! – гаркнул немолодой майор из глубины комнаты. – А ну, кру-гом!

– Простите, извините, – забормотал я, пятясь к выходу.

И вновь, пока петли вертели свой полукруг, я сменил выражение лица на уверенно-хозяйское.

– И передайте ему: пусть ждет! – крикнул я в приоткрытую дверь, в последний момент увидав, как удивленно полезли вверх брови женщины, снабдившей меня бумагой.

Хлопнув дверью и перебирая, словно наскоро прочитывая вообще-то совершенно чистые листы, я прошел по коридору обратно.

– Вы не подскажете, где здесь двенадцатый кабинет? – спросил меня робкого вида парень, клюнувший на мои хозяйские манеры и уверенный вид.

– Дайте вашу повестку, – строго и громко, чтобы меня услышало возможно большее число призывников, попросил я. – Вы должны были явиться к одиннадцати часам. А сейчас?

– Я не успел. Я хотел. Там трамваи не ходили… – начал, пряча глаза, оправдываться парень.

Конец ознакомительного фрагмента.

---

Купить: https://tellnovel.com/ru/il-in_andrey/obet-molchaniya

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить